ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (2401) Среда, 3 марта 1948 г. Цена 40 коп

Искусство и народ

«Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно об'единять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

В этих гениальных положениях В. И. Ленина, высказанных в беседе с Кларой Цеткин, получила классическое выражение большевистская партийная точка зрения на происхождение, сущность искусства и назначение его в обществе.

Искусство принадлежит народу. Народ является его творцом.

Народное творчество явилось основой всех основ искусства. «Создаем не мы, создает народ; мы только записываем и аранжируем», — сказал великий русский композитор Глинка. Величайшие мастера русского искусства, отбирая все лучшее в богатейших алмазных россыпях языка и мелодий народа, создали совершенные произведения нашего литературного и музыкального искусства. В своем творчестве, составившем эпоху в художественном развитии человечества, они достигли тех вершин, когда искусство, овладев классической ясностью и простотой выражения, становится высокоидейным, обретает способность об'единять чувства масс, будить их мысль, активизировать их волю.

Однако все эти живительные свойства большого искусства не могли проявиться с необходимой силой в эпоху господства помещичье-буржуазного, эксплоататорского строя старой России. Великие наши поэты, музыканты творили для народа, но широкие народные массы не знали их.

Буржуазное искусство предреволюционных десятилетий—его теоретики и практики делали все возможное, чтобы исказить и уничтожить великие завоевания классического русского искусства, оторвать искусство от народной почвы и лишить силы, увести с широкой дороги народности в тупик индивидуалистических, суб'ективных переживаний, понятных только антинародным, антиобщественным группкам. Искусство в их руках становилось забавой сытых бездельников или средством нигилистического развращения и одурманивания людей.

С гневом и болью наблюдая, как уродуют и извращают искусство компрачикосы декадентства, великий представитель классического искусства Л. Н. Толстой предсказывал, что искусство возродится, уйдя «под землю», в почву народного творчества, и поднимется оттуда обогащенным и преображенным.

На пороге грандиозных революционных битв за будущее страны и человечества наш народ выдвинул величайшего деятеля в области искусства — Горького. Он был тем художником, который ближе и теснее, чем кто-либо из предшествовавших ему писателей, был связан с народом. Он постиг в совершенстве богатства народного творчества, познал сокровенные думы и чаяния народа на новом историческом этапе его развития, понял могучую организующую роль искусства и глубоко оценил великие завоевания классической русской литературы. В своих произведениях он выразил волю рабочего класса — передового класса эпохи, авангарда трудящегося народа. Именно поэтому Горький стал основоположником нового, социалистического искусства.

Новые взаимоотношения между художником и народом, искусством и обществом, которые были сформулированы Лениным еще в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература», были осуществлены в новом, социалистическом обществе. Искусство было призвано служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Лучшие творения мирового искусства стали доступны широчайшим слоям народа, и, в свою очередь, искусство стало основой для небывалого расцвета народного творчества. Закончившийся на-днях смотр колхозной самодеятельности еще раз показал, как глубоко проникло в народную толщу, как органически вошло в жизнь народа подлинное искусство—хоры и музыкальные коллективы колхозников, наряду с народными песнями, исполняют классические произведения музыки и поэзии, а также лучшие произведения советских композиторов и поэтов.

На протяжении всего развития советского искусства партия последовательно и заботливо направляла художников по пути служения народу. Не только правдиво изображать действительность, поощрять передовое и бичевать отсталое, но осветить народу прожектором путь вперед — такова задача социалистического искусства. Искусство в нашей стране стало могучим средством идейного и художественного воспитания многомиллионных народных масс.

Глубокое принципиальное значение для всех видов социалистического искусства имеет историческое постановление Центрального Комитета ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба». Разоблачая антинародное, формалистическое направление в нашей музыке, это постановление дает точные, ясные раз'яснения того, что такое подлинная народность в искусстве, в чем живительные источники для его расцвета. Постановление определяет на многие годы пути развития советской музыки и искусства.

Для современного буржуазного искусства, отражающего гниение буржуазного общества эпохи империализма, характерны и закономерны крайний суб'ективизм и индивидуализм, распад и уничтожение формы. Эти явления чужды самому духу нашего социалистического искусства, выражающего собой мощь, силу, энергию и духовную бодрость социалистического строя. Художники, сознательно или бессознательно испытывающие влияния искусства современного буржуазного общества, раболепно преклоняющиеся перед ним, создавая безидейные, уродливые произведения, делают антинародное дело. Увлечение ряда советских композиторов этими влияниями, отрыв этих композиторов от народа создали в советской музыке нетерпимое положение.

Подобные влияния буржуазного искусства, хотя и в меньшей степени, наблюдаются и в литературной среде. Доселе находятся поклонники формалистического, антинародного творчества Велемира Хлебникова; черты индивидуализма и суб'ективизма присутствуют в поэзии Б. Пастернака; пережитки формализма можно обнаружить в творчестве П. Антокольского и некоторых других поэтов, в том числе молодых.

Постановление ЦК ВКП(б) требует от произведений искусства идейной ясности и глубины, красоты и изящества формы, при которых только и можно изобразить во всем многообразии вдохновляющее богатство и широту нашей действительности.

Решение партии обращает внимание советских художников на произведения классического русского искусства, преисполненные «поэзии живой и ясной, высоких дум и простоты», и подчеркивает, что эти качества рождались исключительно благодаря тому, что великие русские художники неуклонно обращались к сокровищнице народного творчества. Только опираясь на те вершины, которых достигло русское классическое искусство, можно двигаться вперед.

Ни один художник в мире не имел таких условий для творчества, какие даны советскому художнику. В нашей стране не существует той стены между художником и народом, того ненормального положения, тяжесть которого так глубоко ощущали великие деятели искусства прошлого. Вокруг искусства создана благотворная общенародная среда, которая ширится и растет с каждым днем. Постановление ЦК ВКП(б) сразу же вызвало по всей стране волну творческих обсуждений и целые потоки писем в редакции газет, как событие огромной общественной значимости. Эти письма, выражающие восторженную благодарность партии за заботу о культурных запросах советского человека, наглядно свидетельствуют о том, что народ считает литературу, музыку, живопись своим родным делом.

Народ ждет от своих художников произведений, не уступающих русской и мировой классике. Наша действительность неизмеримо шире и богаче той, которую великие русские художники отражали в своих произведениях. Шире и идейно богаче содержание нашего искусства. Величие социалистической действительности, героические созидательные устремления советского народа дают возможность художнику создать произведения, которые по силе изображения жизни и вдохновляющей мощи превзойдут произведения классического искусства прошлого.

Советские художники могут и должны создать произведения, об'единяющие массы, вдохновляющие их на великие подвиги, воспитывающие вкус народа, пробуждающие в нем художников.

К новому под'ему советского искусства

СОБРАНИЕ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1 марта состоялось собрание писателей Москвы. Оно было посвящено обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

В президиуме собрания — Б. Горбатов, Л. Леонов, В. Катаев, В. Вишневский, А. Фадеев, А. Сурков, В. Инбер, В. Иванов, Н. Тихонов, Ф. Панферов, Л. Первомайский, Н. Зарьян и другие.

С содержательным докладом выступил Д. Т. Шепилов.

Все выступавшие в прениях писатели говорили об огромном значении постановления партии для развития всей советской культуры.

— Это постановление, — сказал А. Сурков, — было встречено советскими людьми с большой радостью и удовлетворением. Оно, несомненно, даст такой же благотворный результат, какой дало решение партии по вопросам литературы. Вспомним, как много значительных и талантливых произведений создали наши прозаики после этих решений.

А. Сурков с возмущением говорил о деятельности композиторов-формалистов, оторвавшихся от народа, о том сомнительном успехе, с которым встречались их сумбурные, нарочито усложненные произведения у реакционных зарубежных критиков. В этой связи он остановился и на индивидуалистическом творчестве Б. Пастернака, восхваляемом на все лады заграничными эстетами.

— Невозможно создать высокохудожественное оперное произведение без творческого содружества писателей и композиторов, — отметил А. Сурков,—а у нас большей частью над оперными либретто работают люди, имеющие весьма отдаленное отношение к искусству. Мы, литераторы, должны помочь нашим товарищам композиторам в пору крутой и решительной перестройки.

— Я очень люблю музыку, — сказала Вера Инбер, — но я не могу себе представить такое душевное состояние, при котором мне бы захотелось слушать произведения Шостаковича. Наша русская музыка отличается необыкновенным богатством и разнообразием изобразительных средств, она способна передать наши чувства и настроения во всей их сложности и непосредственности. Это—ясная, мелодичная, глубоко народная музыка, понятная каждому. К сожалению, этого не скажешь о нашей современной музыке. Недаром кто-то шутил на одной из опер: «Уж полночь близится, а музыки все нет». Я уверена, что советские композиторы создадут музыку, достойную нашего народа.

Об ответственности писателей—передового отряда советской интеллигенции — за состояние советской культуры говорил В. Кожевников.

—Почему наши писатели слушали эту формалистическую музыку и молчали?—спрашивает он, — почему они не подвергли ее прямой и принципиальной критике?

В. Кожевников напомнил, что наши музыкальные критики, газета «Советское искусство» восхваляли каждое новое музыкальное произведение и шумно возвещали об успехе наших композиторов за границей. Нельзя забывать, что идет напряженная идейная борьба. Дело не просто в формальных ошибках некоторых композиторов. Это — серьезные идейно-политические ошибки. Это — нежелание драться за то, за что тридцать лет борются советские люди.

П. Солодарь говорил о том, что без помощи писателей композиторы не создадут значительных опер, ораторий и т. п. Русская классическая опера неразрывно связана с великой русской литературой. Достаточно вспомнить оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского. Не случайно, что из всех опер Рубинштейна в наши дни живет именно «Демон», а из опер Направника—«Дубровский». Почему же наши современные композиторы не обратились к лучшим творениям советской литературы? Почему нет опер «Разгром», «Железный поток»? Писательская общественность с непростительным равнодушием относилась к деятельности композиторов. С. Прокофьев совершенно исказил в своей опере повесть В. Катаева «Я, сын трудового народа». Но эта формалистическая расправа с хорошим, правдивым произведением не вызвала никакого возмущения у наших писателей.

С критикой своих ошибок выступил Г. Мдивани, автор либретто оперы «Великая дружба».

А. Фадеев посвятил свое выступление состоянию нашей критики.

— Слабость в этой области,—указал он,—в значительной мере об'ясняет наше отставание в других областях. Многие книги не получают никакой критической оценки. О них никто никогда не говорит. Это создает неясность—что в этих книгах хорошего и что в них неверного, что следует поддержать и что должно быть преодолено.

— Каждый раз, когда возникает неясность в критической оценке,—говорит А. Фадеев,—этим пользуются эстеты и формалисты. Наша критика еще не организована, не сплочена и не всегда идейно вдохновлена. Это—крупнейший недостаток в работе всего Союза советских писателей. Наша ближайшая задача — добиться того, чтобы наша критика стала высокоидейной и подлинно большевистской.

Московские писатели с большим под'емом приняли текст письма И. В. Сталину.

Военные действия в Китае

Каждый день приносит все новые и новые вести об успехах китайской Народно-освободительной армии.

Непосредственная задача наступления народных войск на Мукденском фронте в феврале заключалась в дезорганизации обороны и изоляции Мукдена. Поэтому удары направлялись против основных гоминдановских опорных пунктов. Выполняя эту задачу, народные войска освободили железнодорожные станции Синьлитунь и Синьминь, город Ляоян, промышленный центр Аньшань и порт Инкоу.

Уже потеря Ляояна была трудно восполнимой брешью в обороне гоминдановцев. Этот город недаром считается «южными воротами» Мукдена. Падение Аньшаня, крупного промышленного центра, расположенного на железной дороге Мукден—Дальний, явилось для гоминдановцев еще более чувствительным поражением.

Вслед за освобождением Аньшаня народные войска усилили атаки в направлении промышленных городов Фушуня и Бэньсиху. По сообщениям китайской печати, части Народно-освободительной армии 26 февраля освободили Бэньсиху и вели бои в 16 километрах от Фушуня.

Занятие Ляояна и Аньшаня позволило народной армии также предпринять охватывающее наступление на порт Инкоу, играющий важную стратегическую роль. Через этот порт гоминдановцы подбрасывали подкрепления и военное снаряжение в Маньчжурию. Кроме того, находясь в

Инкоу, войска Чан Кай-ши создавали постоянную угрозу с тыла народным войскам, сражающимся к югу от Мукдена. Операция, предпринятая Народно-освободительной армией, увенчалась блестящим успехом: 26 февраля порт Инкоу был занят. При этом на сторону народных войск полностью перешла сражавшаяся здесь 58-я гоминдановская дивизия. Таким образом, войска Чан Кай-ши лишились своей основной базы на побережье Ляодунского залива.

В результате февральских побед Народно-освободительная армия овладела почти всеми важными стратегическими пунктами вокруг Мукдена и ведет бои в непосредственной близости от города. Согласно многочисленным сообщениям, народные войска находятся не более, чем в 10—15 километрах от Мукдена. По оценке военных обозревателей, положение города «отчаянное и быстро приближающееся к стадии безнадежности».

Гоминдановское командование предпринимает судорожные попытки удержаться в Маньчжурии. Они подбрасывают подкрепления и военные материалы своим войскам, с помощью реакционных маньчжурских политиканов заигрывают с народными массами, пытаются создать отряды местной милиции, усилить «политическую работу» в провинции. Однако все эти попытки заранее обречены на провал.

Гоминдановцев преследуют неудачи не только в Маньчжурии, но также в Северном и Центральном Китае. Военные провалы Чан Кай-ши сопровождаются глубокой экономической разрухой.

На что же рассчитывают гоминдановцы, находящиеся в настоящее время перед лицом экономического и военного краха? Ответ на этот вопрос не отличается новизной. Это — американская «помощь», или, вернее, дальнейшая политическая и экономическая интервенция США в Китае, распространение «плана Маршалла» на Дальний Восток.

18 февраля Трумэн обратился к конгрессу США с просьбой ассигновать еще 570 миллионов долларов на «помощь» Китаю. Цена американской «помощи» — национальный суверенитет Китая.

Интервенция чужими руками — один из излюбленных методов внешней политики империалистических стран. Руками Чан Кай-ши и его клики Соединенные Штаты пытаются создать политический и стратегический плацдарм на Дальнем Востоке. Однако совокупным планам китайских квислингов и их американских хозяев не суждено сбыться. Даже редактор такого реакционного американского журнала, как «Ньюс уик», Гарольд Исаакс, в специальной статье, посвященной Китаю, писал, что «понадобилось бы чудо для того, чтобы осуществить теперешние американские намерения в Китае. Творцы политики в государственном департаменте сознают это. Не являясь чудотворцами, они остаются беспомощными». Исаакс прав. Косвенно и официальные круги США ныне признают, что американская «помощь» существенно изменить положение не в состоянии. Победы Народно-освободительной армии поставили и американскую политику в Китае и режим Чан Кай-ши перед неминуемой катастрофой.

О. ПРУДКОВ

Декада литовской литературы

ВЕЧЕР В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Радушно принимает Москва своих желанных гостей — литовских писателей и артистов — участников литературной декады. Их первые выступления в Колонном зале Дома союзов, в Доме актера, в Доме культуры имени Ленина прошли с большим успехом.

Эти вечера, где выступления литовских поэтов, читающих свои стихи на родном языке, чередуются с выступлениями русских поэтов — авторов переводов, являют собою живое воплощение духовной дружбы народов Советского Союза.

Литература молодой советской республики, ее музыкальное искусство вызвали живой интерес москвичей. В Колонном зале собрались представители общественности столицы, научной интеллигенции, генералы и офицеры Советской Армии, журналисты, учащиеся, стахановцы.

На вечере присутствовал секретарь ЦК ВКП(б) тов. М. А. Суслов.

Творческую связь литовской и русской литератур выразил в теплых словах А. Фадеев, приветствовавший гостей от имени Союза советских писателей СССР и всей московской общественности на вечере в Колонном зале Дома союзов.

Литовская литература прошла трудный и тернистый путь. Буржуазия Литвы пыталась отгородить ее от народа глухой стеной, выхолащивая из нее все передовые идеи. Но вопреки этому прогрессивные писатели шли вместе с народом, вместе с ним вели борьбу против царизма, против реакционеров всех мастей! Только теперь, при советской власти, вся литовская литература стала достоянием народа. Об этом говорил в своем докладе председатель Президиума Верховного Совета Литвы писатель Ю. Палецкис, обрисовавший путь развития родной литературы, начиная с XVI века и кончая послевоенным периодом. Он говорил о плодотворном влиянии русских писателей на литовскую литературу, о ее расцвете сейчас, когда книга стала глашатаем передовых идей марксизма-ленинизма и оружием в борьбе трудящихся за торжество коммунизма.

Подробно остановившись на состоянии современной литовской литературы, Ю. Палецкис рассказал о лучших ее представителях — Саломее Нерис, П. Цвирке, В. Монтвиле и о наиболее значительных произведениях последних лет. Докладчик подчеркнул, что постановление ЦК ВКП(б) и доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» имеют огромное значение для идейно-художественного прогресса писателей Литвы.

— Литовская литература, — говорит тов. Палецкис, — вышла на широкую дорогу советской культуры. Произведения литовских писателей появляются в переводах на русский и другие языки народов СССР. На литовском языке изданы лучшие произведения русской классической современной литературы и многие произведения писателей братских республик.

— Если может спокойно жить и работать литовский народ, если могут расти и расцветать литовские культура и литература, — то все это только благодаря помощи, которую оказали Литве братские народы Советского Союза, благодаря героизму Советской Армии, благодаря гению великого Сталина. Товарищу Сталину посвятила свои стихи одна из лучших наших поэтесс Саломея Нерис:

...О нем везде легенды снова
Творит народная молва,
И славит Сталина родного
Освобожденная Литва.

С чтением своих произведений на родном языке выступили поэты И. Шимкус, Т. Тильвитис, В. Мозурюнас, В. Вальсюнене, К. Корсакас, Э. Межелайтис, В. Миколайтис-Путинас. Переводы стихов литовских поэтов читали Н. Тихонов, П. Антокольский, И. Сельвинский, В. Звягинцева, П. Шубин и другие.

Вечер закончился большим концертом, в котором приняли участие мастера литовского и русского искусства.

В ДОМЕ АКТЕРА

Вечер в Доме актера открыл Л. Леонов. От театральной общественности Москвы гостей приветствовал народный артист РСФСР Н. Озеров.

С кратким обзором литовской литературы и творчества ее лучших представителей выступил член-корреспондент Академии наук Литовской ССР Костас Корсакас.

— Из огня войны, — сказал он, — наша литература вышла окрепшей и возмужавшей. Возрождение Литвы, социалистический труд и великое наше братство с другими советскими народами — вот что является источником вдохновения литовских писателей.

Взволнованные стихи о дружбе народов, о советском патриотизме, о любви к Родине, прочитанные литовскими поэтами В. Сириос-Гира, В. Вальсюнене, Э. Межелайтис, В. Мозурюнас и Т. Тильвитис, были живой и яркой иллюстрацией того, что литовская поэзия уверенно идет по пути всей многонациональной советской литературы, сохраняя свою самобытность и свои лучшие традиции.

С переводами стихов литовских поэтов выступили поэты Н. Тихонов, П. Шубин, В. Звягинцева, В. Державин.

Под знаком дружбы и общности искусств прошел концерт, в котором заслуженные артисты Литовской ССР А. Стащкевичюте, Ю. Мажейка и К. Гутаускас кроме литовских песен исполнили произведения русских композиторов, а народные артистки РСФСР Е. Гоголева и Ц. Мансурова, заслуженный артист РСФСР В. Аксенов и артист Н. Першин прочитали переводы стихов литовских поэтов. Во втором отделении концерта с большой, яркой программой выступил Государственный народный ансамбль литовской песни и танца под руководством заслуженного деятеля искусств Литовской ССР И. Швядаса.

ВСТРЕЧА С РАБОЧИМИ ТРЕХГОРНОЙ МАНУФАКТУРЫ

Третья встреча литовских писателей и мастеров искусств с москвичами происходила в Доме культуры имени Ленина под председательством Н. Тихонова.

Рабочие Трехгорки тепло встретили гостей Советской Литвы и с интересом выслушали вступительное слово Ю. Балтушиса о литовской литературе и произведения Л. Гиры, С. Нерис, А. Венцловы, В. Мозурюнаса, И. Лапашинскаса и других. Стихи литовских поэтов читали по-русски поэты-переводчики и мастера художественного слова.

Вечер закончился концертом, в котором артисты Литвы исполнили литовские народные песни и произведения литовских и русских композиторов.

Леонид ЛЕОНОВ

НАША ВСТРЕЧА

На наших глазах и нашими совместными усилиями создаются благородные традиции, которые прочно входят в общественный советский быт. В их число надо включить и отличный обычай творческих отчетов братских литератур, проводимых в нашей столице—в университетах и академиях, на заводах и в других крупнейших аудиториях. Смысл таких отчетов в том, чтобы удовлетворить все возрастающий интерес советского, в частности русского, читателя к достижениям мысли и художественного слова братских народов нашего могучего Советского Союза.

Велико и рабочее значение таких литературных смотров. Они укрепляют теснейшее сотрудничество наших литератур, непосредственно помогают личному знакомству советских читателей и писателей; они помогают также и обмену богатствами, накопленными за отчетный период; эти встречи вызывают деятельную творческую диффузию и, следовательно, сливают воедино все великие национальные отряды нашего советского народа. А это и есть один из показателей правильности и мудрости ленинско-сталинского принципа, положенного в основу нашей нерушимой многонациональной дружбы.

Литовская книга—одна из старейших в наших книжных хранилищах. Первое произведение литовского печатного станка появилось ровно четыреста лет назад. В этой старой книге, как в одной колыбели, символически лежат два печатных первенца литовского народа — народный букварь и первое печатное стихотворение. Народ и искусство слова —вот благородный символ для всякой литературы, которая хочет жить вечно!

Литература Литвы имеет почтенный возраст. Ее путь отмечен такими отовсюду видными вехами, к примеру, как «Времена года» Донелайтиса. Это был путь истинно творческого труда и борьбы, в которой литература Литвы принимала удары врагов и шла в ногу со своим народом.

В наши дни литература Литвы звонким ручьем влилась в многоязычный поток нашей советской литературы. Появилась плеяда талантливейших людей, наших гостей, которых мы на-днях встречали в Колонном зале Дома союзов, в Доме актера, в Доме культуры рабочих Трехгорной мануфактуры.

Вся совместная наша жизнь еще впереди, — мы еще не раз встретимся в труде и в борьбе за славу нашей общей социалистической Родины.

На открытии декады литовской литературы в Колонном зале Дома союзов. На снимках: слева в ложе — член-корреспондент Академии наук Литовской ССР поэт Костас Корсакас, секретарь Центрального Комитета ВКП(б) М. А. Суслов, председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР писатель Ю. И. Палецкис. Справа — общий вид Колонного зала.

Фото Е. ТИХАНОВА.

В. ВОЛОДИН

Могильщик Франции

Среди буржуазных политиков, вызывающих сейчас наибольшую ненависть французского народа, одно из первых мест принадлежит Рене Мейеру, министру финансов правительства Шумана.

Рене Мейер—не только главный виновник нищеты, от которой страдают трудящиеся Франции. Это типичный представитель «американской партии», усердно отдающей Францию во власть магнатов доллара.

Тесно связанный родственными узами с известным банкиром Ротшильдом, Рене Мейер начал свою карьеру в качестве судьи при Государственном совете—верховном судебном органе Франции, занимающемся рассмотрением дел между Французской республикой и частными лицами. Можно представить себе, каким «беспристрастным» судьей был этот представитель «200 семейств» при разборе дел, большая часть которых затрагивала интересы его касты!

В 1928 году Мейер ушел из Государственного совета и стал тайным директором фамильного банка Ротшильда—«мозгом фирмы Ротшильд». По старой традиции, управление делами этого банка никогда не поручалось лицу, носящему фамилию Ротшильд.

Уже спустя десятилетие, накануне второй мировой войны, Рене Мейер был официальным представителем ротшильдовского банка в добром десятке крупных капиталистических об'единений. Кроме того, в качестве «мозга» семьи Ротшильдов он контролировал все нефтяные, электрические и металлургические предприятия страны, а также значительное количество других промышленных фирм и многие крупные банки.

Перечень иностранных трестов, с которыми Рене Мейер был связан в тот период, поражает своим об'емом и разнообразием. Тут немецкий электрический трест «А. Е. Г.» и английское агентство путешествий «Кук», индийский банк «Сассун» и испанские фирмы «Динамит» и «Пенарройя», бельгийское банковское отделение «Амрэн» и две мировые нефтяные монополии «Ройял-Датч» (англо-голландская) и «Стандард ойл» (США).

Таким образом, Рене Мейер, имя которого было мало известно французскому народу, в 1939 году являлся фактическим хозяином огромной доли всех богатств Франции. Помимо того, через его руки проходила значительная часть богатств всего капиталистического мира.

Само собой разумеется, что в такой буржуазной республике, как Франция, политическая власть магната Рене Мейера была чрезвычайно велика. Он широко пользовался этой властью, оставаясь, как правило, за кулисами.

И все же однажды Рене Мейер вмешался в политику открыто. Этот эпизод со всей ясностью показывает ту пагубную роль, какую тресты играли во французской дипломатии в период между двумя мировыми войнами.

В 1934 году банк Ротшильда решил расширить поле своей деятельности за пределами Франции. Осуществление этого плана требовало личного участия представителя ротшильдовского дома в правительстве, и Рене Мейер вошел в кабинет презренного Пьера Лаваля.

Первый проект Мейера заключался в предоставлении займа фашистской Италии. Из этого международного преступления—пополнения итальянской казны, опустевшей в связи с агрессией против Абиссинии,—хотел извлечь выгоду Рене Мейер. Попутно он надеялся таким путем укрепить подготовлявшийся Лавалем антисоветский союз между Парижем и Римом.

В качестве «технического сотрудника» Мейер сопровождал французского премьер-министра в Стрезу. Пока Лаваль и Муссолини обсуждали там планы международного разбоя, Рене Мейер предложил банкиру Вольпи, члену фашистского «Большого Совета», крупную финансовую махинацию. Но ротшильдовский ростовщик слишком преувеличил свои претензии, и так как у Муссолини в капиталистическом мире не было в ту пору недостатка в заимодавцах, — дело провалилось.

Через некоторое время Рене Мейер совершил еще одну поездку в составе французской правительственной делегации. На этот раз—в Москву. Он не рекламировал своего участия в делегации; наоборот, Мейер потребовал, чтобы о его присутствии ничего не говорили журналистам, дабы гласность не помешала его секретным намерениям...

После провала Лаваля Рене Мейер официально больше не появлялся на политической арене вплоть до второй мировой войны. Но он ни на одну минуту не прекращал закулисного воздействия на политику Франции.

Не следует забывать, что инициаторами преследования всех прогрессивных элементов внутри страны и в первую очередь коммунистов, вдохновителями всех производимых в то время наглых антисоветских демаршей правительства являются Рене Мейер и подобные ему властелины трестов. Это они — авторы всевозможных темных махинаций, которые нынешние фальсификаторы истории всячески стараются замаскировать, — ввергая мир в пропасть военной катастрофы.

Среди лиц, несущих ответственность за вторую мировую войну, Рене Мейер также занимает видное место. Достаточно вспомнить, например, роль, которую играл банк Ротшильда в удушении Испанской республики, или операцию по продаже акций чехословацкой фирмы «Шкода» после Мюнхена.

Вторжение немцев во Францию застало Мейера в Лондоне, где он занимался выгодным делом: закупкой вооружения. Перед ним возникла неотложная проблема—спасти то, что еще можно было спасти, ибо, в отличие от подавляющего большинства французских капиталистических предприятий, банкирский дом Ротшильда как «неарийское предприятие» не мог рассчитывать на сотрудничество с фашистской Германией. Выход был только один—банку предстояло сделаться вассалом американских монополий. И Мейер пошел на это.

Так в жизни крупнейшего банковского воротилы Франции наступила новая полоса. Он превратился в лакея империализма янки. Эту новую роль Рене Мейер стал выполнять с 1943 года.

С тех пор каждый маневр, производимый по приказу Вашингтона, приносит Рене Мейеру все более высокое место во французском государственном аппарате. С ноября прошлого года — он министр финансов. Рене Мейер столь нагло раскрыл свою настоящую натуру, что даже жалкий Робер Шуман, который давно потерял способность краснеть от стыда, в своем правительственном заявлении чуть ли не просил прощения за выбор такой кандидатуры.

Но извинения перед парламентом, большинство которого готово послушно выполнять все приказы, исходящие из США, оказались излишними. Племянник Ротшильдов, ставший американским агентом и оруженосцем де Голля, без труда занял место рядом с «социалистом» Жюлем Мок.

Деятельность Рене Мейера не замедлила сказаться. Он явился одним из основных инициаторов антирабочих законов, принятия которых требовал Уолл-стрит, чтобы сломить сопротивление свободолюбивого французского народа. В январе он обесценивает франк, чтобы облегчить вторжение доллара во Францию. По велению из-за океана Мейер без всяких колебаний окрестил своим именем план разрушения экономики страны, цель которого — помешать французским предприятиям конкурировать с американской промышленностью. За два месяца Мейер обеспечил себе почетное место среди могильщиков Франции. Даже его друг, предатель Лаваль, не осмеливался в свое время действовать так открыто.

Разоряя Францию, Рене Мейер, разумеется, не забывает умножать приходы банка Ротшильда. Наплыв долларов позволяет совершать выгодные биржевые операции. Разорение французских предприятий открывает широкие возможности для спекуляции на их скупке.

Мировое общественное мнение с отвращением узнало о возобновлении торговых отношений между Французской республикой и франкистской Испанией. Это не только результат крупного маневра, предпринятого американскими экспансионистами, но также выгодное дельце для Мейера и его близких. Он лично является управляющим двух испанских страховых обществ и железной дороги Мадрид—Сарагосса. Его родственник (барон Робер де Ротшильд) фигурировал в административном совете никелевой фирмы «Пенарройя». Отец Мейера был одним из руководителей испанского общества взрывчатых веществ «Динамит». И если открытие границы является преступлением с точки зрения всех подлинных демократов и серьезно подрывает международный авторитет Франции, то оно безусловно выгодно для всех тех, чьим рупором является Рене Мейер. «Золотой телец» Ротшильдов получит свою долю добычи.

В 1872 году банк Ротшильда поставил французскому правительству своего министра финансов — некоего Леона Сей. За установление своего контроля над буржуазной республикой банк гарантировал уплату 5 миллиардов франков, которые побежденная Франция должна была в виде контрибуции выплатить Пруссии.

Спустя семьдесят пять лет банк Ротшильда вновь навязал Франции своего министра финансов. На этот раз он уже ничего не гарантирует взамен. Ничего, кроме порабощения французской экономики магнатами Соединенных Штатов Америки. Ничего, кроме превращения Франции в плацдарм американского империализма. Ничего, кроме разрухи, рабства и бесчестия.

Мих. МАКЛЯРСКИЙ

Почти племянники божьи

Те времена, когда католическая церковь боролась против «неугодных богу зрелищ», остались далеко позади. Сегодня театр и кино используются, как гибкое оружие реакционно-клерикальной пропаганды. Ватикан даже организовал международный католический киноцентр «ОСИК» (office catolique internationale du cinema). На с'езде «ОСИК» в Брюсселе было принято решение: срочно завершить кинофикацию церквей, конгрегаций, духовных школ, институтов и монастырей.

— В течение 1948 года, — решил с'езд, — должно быть введено в действие 11 тысяч новых киноустановок, главным образом, узкопленочных. Если люди ищут развлечений, церковь должна пойти им навстречу.

В одной только Италии шесть кинофирм выпускают исключительно католические картины.

Созданная сравнительно недавно крупная фирма «Универсалия» — типично ватиканская международная организация — готовит боевик об основателе иезуитского ордена Игнатии Лойоле. В постановке этого фильма принимают участие итальянцы, испанцы и португальцы.

Ясное представление об истинном характере католической кинематографии дает недавно вышедший в Италии фильм «Блуждающий еврей».

На экране обстоятельно воспроизведены дикие преследования евреев со стороны гитлеровцев, расовая ненависть, Освенцим, погромы. Казалось бы, превосходный материал для антифашистской пропаганды. Однако на деле это типичный фашистский фильм, в котором под прикрытием лицемерных призывов к милосердию всячески доказывается, что гитлеровцы выполняли божественную миссию.

Те же человеконенавистнические идеи проповедуются в фильме о Христофоре Колумбе, полностью оправдывающем варварство конкистадоров, хладнокровно истреблявших миллионы мирных индейцев, ибо все это об'является угодным богу делом.

В фильме об Игнатии Лойоле преступления ордена иезуитов окружены ореолом, так как совершались «во имя вящей славы бога». Этот фильм преследует и другие цели. Он должен реабилитировать в глазах широких масс иезуитскую политику Ватикана, его лицемерие и демагогию.

Чахлая франкистская кинематография в 1947 году также разрешилась католическим «боевиком» «Святая королева» (об Изабелле Кастильской). Рассчитывая на покровительство Ватикана, франкисты вознамерились продемонстрировать свое детище на венецианском фестивале, но натолкнулись на решительное сопротивление всех прогрессивных деятелей итальянской кинематографии. Не везет Ватикану с «избранным богом искусством, которому дано стать почти племянником божьим» (так называют кино в Ватикане после энциклики папы Пия XII).

После разгрома фашистской Италии важнейшей политической и финансовой опорой для Ватикана стали США.

За последние годы, в результате настойчивых стараний Ватикана, в Голливуде значительно возросло производство фильмов религиозного содержания. Голливудские кинорежиссеры: Мак-Кери, Генри Кинг, Норман Таурог и другие даже специализировались на постановках фильмов этого рода.

Одним из активнейших деятелей католической церкви в США является небезызвестный кардинал Спеллман—архиепископ нью-йоркский. Реакционная американская печать не имеет оснований для недовольства им. Помимо своей основной специальности — пастыря и «духовного отца малых сих», — кардинал Спеллман овладел и подсобными профессиями, которые дают немало поводов для сенсационной хроники. Он получил шоферские права, он первый католический архиепископ, обладающий пилотским свидетельством. Кардинал Спеллман один из самых откровенных мракобесов в США, и американская реакция недаром добивается его назначения на пост министра иностранных дел Ватикана. У Спеллмана общий язык и единые мысли не только с Маршаллом и Трумэном, он поддерживает вполне деловые связи и с пресловутым киномагнатом Эриком Джонстоном, так как к перечисленным выше «дарованиям» кардинала с некоторых пор присоединилось новое: он стал киносценаристом. За свой последний вопиюще бездарный сценарий кардинал получил 120 тысяч долларов. Недавно на экранах Америки демонстрировался пропагандистский фильм о Ватикане, с дикторским текстом Спеллмана, за что Спеллман также получил кругленькую сумму.

Общность интересов Ватикана и американской реакции находит свое отражение, в частности, и в постановке антисоветских фильмов.

Как сообщает итальянская газета «Ля република», в Америку был специально вызван из Португалии иезуит отец Роше, который привез с собой сюжет для антисоветского сценария. Этот иезуит пользуется покровительством американского прелата высокого ранга — отца Кэнкэнна, незамедлительно порекомендовавшего режиссеру Мак-Кери купить этот сюжет, что последний и поспешил сделать. Конечно, все это происходило с благословения кардинала Спеллмана.

Не все ватиканские круги с равным пиететом относятся к «католической» продукции Голливуда. Так, например, орган католического киноцентра — журнал «Ривиста дель Чинематографо» сокрушенно пишет, что американские фильмы не достигают желаемого эффекта.

«Во время войны, — говорится в статье, опубликованной в этом журнале, — установились сердечные отношения между правительством Соединенных Штатов и Ватиканом. Голливудские кинокомпании связаны тесными узами с Уолл-стрит. Линия Голливуда — это, следовательно, линия правящей верхушки США, что, казалось бы, должно благоприятствовать развитию католической кинематографии. Однако в погоне за кассовым успехом голливудские компании изображают святых и служителей церкви в непристойных для их ранга ситуациях. Так, в двух фильмах Мак-Кери — «Мой путь» и «Колокола св. Марии» — центральное место занимает любовная интрига. В первом фильме — между священником и певицей, а во втором—между священником и монашкой. Это совершенно недопустимо для престижа церкви. Мало того! Монашка обучает своих питомцев боксу и от одного из них даже получает крепкого тумака...»

Рецензируя фильм о Франциске Ассизском, журнал жалуется, что «перед зрителями этот святой предстает в майке».

Но больше всего благочестивые рецензенты сокрушаются по поводу того, что те же самые «звезды», которые играют в католических фильмах, в других картинах, нередко идущих одновременно на экранах, снимаются в «ролях блудниц, зачастую почти голых и в самых вызывающих позах».

Официальный орган Ватикана — «Осерваторе Романо» не смеет так открыто критиковать Голливуд. В статье, посвященной религиозным фильмам, те же самые голливудские боевики, о которых сокрушается «Ривиста дель Чинематографо», восхваляются как «подлинно католические». Между тем католические фильмы, будь то американского, итальянского или французского производства, систематически терпят фиаско. И этому не может помешать вся рекламная шумиха, поднятая вокруг них.

На XX с'езде английской компартии Гарри Поллит заявил, что в конечном результате политики Эттли—Бевина Англия будет «служить авианосцем американского империализма в новой мировой войне».

Рис. Л. БРОДАТЫ.

НА ПРИКОЛЕ

А. ЕЛИСТРАТОВА

Между двух миров

Антифашистская эпопея Эптона Синклера

Недавно вышедший в переводе на русский язык роман «Крушение мира» — пролог к многотомной серии антифашистских романов Эптона Синклера. Действие начинается незадолго до первой мировой войны и, по замыслу автора, должно быть доведено до наших дней.

«Крушение мира» представляет для советских читателей немалый политический интерес. Синклер развертывает здесь широкую панораму международной жизни в эпоху первой мировой войны. События показаны так, как их видит Ланни Бэдд — центральный герой, связывающий все романы этого цикла.

Ланни — потомок династии Бэддов, пушечных королей, «американских круппов», как называет их Синклер. Наследник фамильного бизнеса, он с юных лет был вовлечен в орбиту захватнических интересов крупных монополий. Синклер сталкивает своего героя с многочисленными — как действительными, так и вымышленными — представителями международной империалистической реакции, подготовившими первую мировую войну. Типична фигура знаменитого торговца оружием, Базиля Захарова, хозяина крупнейших фирм «Виккерс» и «Шнейдер-Крезо», финансировавшего не одну антисоветскую авантюру в первые годы после Октября. Не менее типичен образ Курта Мейснера, приятеля Ланни, действующего в конце романа — перед заключением Версальского мира — в качестве германского шпиона. Мейснер и его родичи — представители прусского махрово-реакционного юнкерства, той среды, которая поставляла высшее кадровое офицерство армии кайзера, а позднее — армии Гитлера.

Отец Ланни, Роберт Бэдд, с циничной откровенностью посвящает сына в тайны «незримой войны... за вооружение, за уголь, за сталь, за нефть», определяющей империалистическую политику мировых держав. «Можно сказать без преувеличения, что все павшие под Верденом и все гибнущие сейчас на полях сражений — это жертвы, принесенные ради королей бизнеса, которые держат в руках и газеты, и политических деятелей Франции», — хладнокровно поучает сына этот предшественник современных политиков доллара.

«Для нас война окончилась слишком скоро. Кто мог предвидеть, что Германия рассыплется, как карточный домик!» — сетует Роберт Бэдд после капитуляции Германии. «Фабриканты смерти», для которых война была настоящим золотым дном, не могут примириться с прекращением колоссальных сверхприбылей военного времени. Им нужны новые рынки для их смертоносной продукции, которою забиты заводские склады. Они провоцируют и разжигают новые международные конфликты, яростно готовят интервенцию против молодой Советской республики. «Предполагаемая война с Россией была последней надеждой торгового представителя заводов Бэдд», — пишет Синклер.

Немало сатирических страниц посвящает автор описанию Версальской конференции, за кулисы которой проникает его герой в качестве секретаря одного из референтов американской делегации. Читатель найдет в романе Синклера много красноречивых подробностей, характеризующих закулисные методы, посредством которых финансово-промышленные монополии приводят в действие государственный аппарат, военную машину и «рептильную прессу» псевдодемократических империалистических держав Антанты.

История тридцатилетней давности в романе Синклера выглядит особенно поучительной и актуальной сегодня, когда международная реакция, руководимая американским империализмом, начинает новый поход против Советского Союза, против стран народной демократии и готовит третью мировую войну. Иные из разоблаченных Синклером деятелей империалистической реакции и поныне не сошли с исторической сцены, как, например, «потомок воинственного герцога Мальборо» Уинстон Черчилль, который фигурирует в «Крушении мира» в числе незадачливых организаторов «крестового похода» против молодой Советской республики. Многие факты предательской тайной «работы» международного альянса империалистов, приводимые Синклером в связи с событиями первой мировой войны, подтверждаются и опытом нашего времени.

Но в романе Синклера есть вместе с тем и слабые стороны. «Социалист чувства, без теоретического образования» (как охарактеризовал его Ленин), Синклер сохранил многие буржуазно-демократические иллюзии и предрассудки. Отсюда — неправильное освещение некоторых узловых моментов мировой истории; отсюда же и уязвимость — как в идейном, так и в художественном смысле — общего замысла всей серии романов, открывающейся «Крушением мира».

В романе Синклера не раскрыта подлинная сущность «миролюбивой» демагогии Вудро Вильсона. Президент США Вильсон предстает у Синклера как наивный, не искушенный в политике, полный благих, хотя и неосуществимых намерений, либерал-пацифист, которого против его воли прибирают к рукам заправилы Уолл-стрит. Совершенно иначе расценивали политическую деятельность Вильсона вожди революционного пролетариата — Ленин и Сталин. В статье «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» Ленин еще в январе 1917 года гениально предугадал агрессивно-реакционное направление и цели будущей мировой политики США. Ленин писал: «...выступление Вильсона явная ложь и лицемерие, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительства, доведшего до бешенства вооружение Соединенных Штатов явно в целях второй великой империалистической войны...»

Синклер рисует розовыми красками исходивший от Вильсона проект конференции на Принцевых островах, где по планам союзников Советская Россия должна была бы участвовать наравне с белогвардейскими «правительствами». В действительности, организация этой так и не состоявшейся конференции была не более как очередным маневром антисоветской дипломатии союзных держав. Политический смысл этого маневра был разоблачен тогда же советским правительством.

Весьма расплывчато охарактеризована Синклером политическая физиономия молодого Буллита, злейшего поджигателя войны, врага СССР.

Главным недостатком общего замысла всей серии романов Синклера, открывающейся «Крушением мира», является то, что она строится не как история непримиримой, смертельной борьбы с фашизмом демократических сил, возглавляемых Советским Союзом, но как история индивидуального жизненного опыта «праздного богача», космополита-американца Ланни Бэдда. Синклер пытается, правда, искусственно втиснуть в рамки этого индивидуального опыта фактическое богатство событий мировой истории последних десятилетий. Его герой присутствует, по воле автора, при заключении Версальского мира, при «походе» Муссолини на Рим, при мюнхенском пивном путче, при пожаре рейхстага, при вступлении интернациональной бригады в Мадрид, при «аншлюссе» Австрии, при заключении мюнхенского пакта и при захвате Чехословакии гитлеровской Германией... Гитлер и Муссолини сами раскрывают Бэдду свои карты; президент Рузвельт делает его своим тайным агентом в Европе.

Такое построение романа приводит, однако, не только к крайней искусственности сюжета, но, что значительно важнее, — к затемненности основной проблемы всей эпопеи — проблемы движущих сил борьбы с фашизмом. В «Крушении мира» герой Синклера стоит еще на распутье «между двух миров». Он смутно сочувствует Октябрьской революции, отголоски которой докатываются до него в Париже; но сохраняет и свое привилегированное положение потомка «династии Бэддов» и дружбу с германским шпионом Мейснером, которому помогает спастись от французской полиции.

В романах, следующих за «Крушением мира», Ланни Бэдд занимает место в антифашистском лагере. Но политическое лицо героя остается на протяжении всех известных нам томов антифашистского цикла Синклера нарочито неопределенным. Он — из «розовых», но отнюдь не из «красных», подчеркивает автор. Ланни Бэдд выступает у Синклера, как носитель некоего абстрактного, по существу буржуазного, демократизма. При этом антифашистская «деятельность» Ланни, хотя и совпадает временами с интересами народных масс, противостоящих фашизму, развивается в нарочито обособленном, индивидуальном русле. Свои «подвиги» он совершает в одиночку, на свой страх и риск, используя, главным образом, свои светские связи. Так он освобождает из фашистского концлагеря своего друга, молодого социал-демократа Фредди Робина; так спасает он из франкистского плена английского летчика, сражающегося за республиканскую Испанию; так проникает в самое логово национал-социалистских хищников, становясь, до поры до времени, своим человеком в домах Геббельса, Геринга и Гесса, совместно с которым он устраивает спиритические сеансы! Отпрыск «пушечных королей» Америки, личный агент Рузвельта, выполняющий тайную американскую миссию в Европе, Ланни Бэдд превращается у Синклера, по мере развертывания его истории, в следующих томах эпопеи в символическую фигуру. Автор, повидимому, непрочь был сделать своего героя носителем некоего мифического «здорового» американизма, со снисходительным сочувствием взирающего на бедствия Европы — «несчастного континента», оскверненного фашистской чумой.

Такая трактовка антифашистской темы не могла не сказаться и на художественной стороне эпопеи Синклера. Внешний сенсационный мелодраматизм положений нередко подменяет в ней действительную глубину в изображении коллизии «двух миров». Описание нравов «праздных богачей», срывающих цветы удовольствия на международных курортах Европы, занимает в романе непомерно много места и, при всей своей ироничности, сбивается временами на «великосветскую хронику» американской газеты. Уже в «Крушении мира» мистические мотивы вторгаются в реалистическое воспроизведение событий и усиливаются в следующих томах, где попытки установить «спиритическим» путем связь с «потусторонним миром» составляют чуть ли не постоянное занятие целого ряда персонажей, в том числе и главного героя.

Синклер, как критический реалист, терпит жестокое поражение всюду, где платит дань буржуазным предрассудкам и иллюзиям американских обывателей. И, тем не менее, «Крушение мира» заслуживает внимания советского читателя, поскольку автор, там, где он возвышается над этими предрассудками и иллюзиями, сумел отобразить в этом романе хотя бы некоторые существенные стороны реакционной деятельности международных агрессоров — поджигателей первой мировой войны.

Эптон Синклер. «Крушение мира». Роман. Сокращенный перевод с английского В. Топер и О. Холмской. Предисловие Б. Изакова. Государственное изд-во иностранной литературы. М. 1947, стр. 707.

Факты без комментариев

С КОГО ОНИ ПОРТРЕТЫ ПИШУТ

Как сообщает «Нью-Йорк таймс бук ревью», в США существует весьма модное в настоящее время литературное течение, именующее себя «мононеврозной школой». «Отцом» этого течения является режиссер, постановщик многих детективных кинофильмов Хичкок.

Герои романов, написанных сторонниками «мононеврозной школы», — это всегда алкоголики, психопаты, шпионы, шулеры, диверсанты и т. д.

КОВАРНОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Священник церкви в Сент-Эндрюс (Англия) заявил, что его посещает привидение, которое мешает ему спать и нередко пугает посещающих его гостей.

Лондонская газета «Ньюз оф уорлд» посвятила этому случаю большую статью на первой полосе. В беседе с корреспондентом этой газеты священник сообщил, что хотя он лично никогда в глаза не видел привидения, но «слышал его и чувствовал, как оно прикасалось к нему и даже его щекотало».

Для проверки этого утверждения священника был привлечен ряд ученых экспертов: один из них заявил, что он по запаху определил присутствие привидения в помещении, а другой с удовлетворением сообщил, что ему удалось изгнать привидение.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Библиотекарша в Балтиморе (США) долго разыскивала читателя, не вернувшего взятую им книгу «Практический курс слесарного дела». Наконец, она обнаружила его в тюрьме, куда он попал за кражу со взломом.

А. МАКАРОВ

ОКРЫЛЕННАЯ ЮНОСТЬ

Вихрастый темноглазый подросток склонился над тетрадью. В эту тетрадь он заносит свои заветные думы, воспоминания о еще не зарубцевавшихся ранах юной души, желания, исполнения которых он так страстно ждет.

Мальчик Ваня пережил тяжелые дни. Десятилетний ребенок испытал ужас немецких бомбардировок, видел, как «кричало что-то на земле каким-то странным голосом, очень похожим на мамин голос, но это не была мама». А рядом лежало что-те с прилипшим кусочком желтого платья, которое он помнил на маленькой сестренке. Сироту приютила школьная сторожиха, но эту добрую, ласковую женщину, заменившую ему мать, замучили и расстреляли оккупанты.

Три года прожил мальчик под немцами. Три года господин Вурм—убийца и человеконенавистник — покровительственно внушал мальчику, что «есть на свете немцы, очень хороший и сильный народ, самый хороший в мире народ, самый культурный, талантливый и самый сильный».

Ваня помнит и другое.

Он помнит, как старая женщина нашла силы отказаться купить себе жизнь ценою рабской покорности и бросила в лицо мучителю: «Изверг! Ты не порядок наводить пришел. Ты русский народ со света сживать пришел. Ну, стреляй теперь!» Он помнит, как однажды герр Вурм во время своих поучений нечаянно взглянул ему в глаза и вдруг истошно взревел: «Вон! Сию минуту вон! Пуи тойфель дизен скорпионен...» И он помнит землянку в овраге, и людей, живущих в сырой земле, и все же счастливых: им было кого ждать.

Давно нет этих землянок, нет на свете и господина Вурма, три года уже мальчик учится в школе в другом городе, но он не может ничего забыть. Пережитое наложило свой отпечаток на его характер. В школе Ваня чувствует себя намного старше своих одноклассников. Именно поэтому мальчик пока еще предпочитает доверять свои сокровенные думы не товарищам, а своей тетради. Со страниц его дневника раскрывается перед нами чистая, открытая душа во всей ее юношеской непосредственности и обаянии. Благородные чувства движут этой душой — страстное стремление сделать жизнь такой, «чтобы никогда больше не повторялось то и чтобы не мешали людям пахать и сеять» и глубокая благодарность к тем, кто избавил людей от духовного и физического рабства.

Романтическое стремление к добру и справедливости, свойственное юности, в характере советского молодого человека обретает новое качество — во что бы то ни стало осуществить свои мечты, претворить их в жизни. Юности чужды абстракции, она ищет идеала в окружающих — для Вани этот идеал шофер дядя Вася, усыновивший его. В глазах юноши этот близкий ему человек как бы олицетворяет собой образ всего героического поколения, спасшего человечество от фашистского ига.

В тетради появляются восторженные слова, звучащие, как клятва верности молодого поколения своим старшим братьям: «Понимаю я также, для чего мне может понадобиться вся моя сила. Ведь еще, может быть, остался где-нибудь на земле господин Вурм, считающий, что без него не обойтись никак русскому народу. Я хорошо это понимаю. И еще ради тебя я должен стать сильным, дядя Вася. Ты показал великий пример того, как нужно отстаивать свободу своей земли, и не простишь мне, если я оставлю этот пример без внимания».

Мальчик остро переживает большое горе дяди Васи, который не знает — жива или нет девушка, спасшая его во время войны от смерти. И если самому дяде Васе иногда кажется уже бессмысленным продолжать поиски, то Ваню не покидает уверенность, что и дядя Вася «должен получить свою награду».

Мальчик заносит в тетрадь все подробности этой истории, и она причудливым образом переплетается с его собственной жизнью. И пусть его поиски идут по непривычному пути, и он руководствуется приметами, не имеющими ровно никакого значения (девушка была с темными косами), ищет далеко, в то время как мечта оказывается рядом — учительница Вани Вера Михайловна и есть та самая девушка, и встреча дяди Васи с ней происходит, по-существу, случайно. Важен не результат поисков, важна та непреоборимая вера в торжество справедливости, вера, которую не смогли погасить в юношеской душе суровые, безжалостные годы немецкой оккупации.

Писатель Эльмар Грин, хорошо знакомый советскому читателю по повести «Ветер с юга», в своем новом рассказе создал превосходную, живую, реально ощутимую фигуру советского мальчика. Автор хорошо владеет искусством психологического и внешнего портрета. Дядя Вася, например, изображен так пластично, что его, кажется, можно коснуться рукой. Не все удачно в рассказе: Вера Михайловна вялый и бесцветный персонаж, необходимый только для развертывания сюжета. Но образ Вани существует, как подлинно художественный, воплощающий в себе черты того поколения, которого война тоже коснулась своим грозным дыханием, но не опалила, а закалила для великих дел будущего.

Главное в рассказе то, что он дает представление читателю о ведущих чертах характера нашего юного поколения. Вместо неопределенности желаний мы видим романтическую целенаправленность, сознательное стремление выработать в себе характер патриотический. С жадностью приникает мальчик к живоносным источникам родной культуры. Его глубоко волнует красота русского языка, он потрясен мощью родной литературы, в совершенстве пользующейся богатством этого языка, словами, которые сотни лет подбирал для своих великих художников народ, и «хотел бы он научиться говорить так сильно и красиво, как может говорить народ». Он мечтает стать геологом, и эта специальность нужна ему для того, «чтобы как можно лучше узнать свою страну и познакомиться с ее народами». Его вдохновляют и восхищают взаимоотношения между советскими людьми, внутренняя сила и красота их героических характеров.

В лесу, на берегу ручья, освященного в памяти мальчика воспоминанием о партизанах, он раздумывает о том, как осуществить свои мечты, как стать достойным своей страны и народа. Лесной ручеек, тоненькой струйкой пробившийся среди низкой поросли, постепенно, вбирая в себя подпочвенные воды, наливается непобедимой силой и вот уже властно пролагает себе путь в реке. И здесь, на его берегах,— мысли, владеющие всем юным существом героя, получают свое образное, исчерпывающее выражение. «Так же вот и умственной или духовной силы по-настоящему может набраться лишь тот, кто сначала глотнет чистой народной мудрости, вберет в себя все, что накопил в себе за сотни лет народ, поглубже зачерпнет из этих недр и уж потом прибавит к этому все, что создано на свете».

Автор рисует Ваню с той проникновенностью в психологию советского подростка, с той уважительностью к юному характеру, с какими умел изображать наше юношество, пожалуй, только Аркадий Гайдар. И потому, нам кажется, этот рассказ особенно должен понравиться подросткам. Они найдут в нем свойственное юности окрыленное представление о жизни.

Эльмар Грин. «Из общей тетради». Рассказ. «Звезда», № 1, 1948 г.

С. ЛЬВОВ

Книга о счастье

В первой книге молодого писателя Иосифа Дика собраны рассказы о детях и для детей. Веселые и жизнерадостные ребята возятся со щенками, радуются перочинному ножу, веселятся у долгожданной елки, играют в войну, проказничают, морщат лбы над первыми задачами.

Без навязчивости вкладывает писатель в маленькие рассказы мысли о дружбе, о честности, о долге. Не поучением,—примером своих героев воспитывает он читателей.

В рассказе «Салют» школьнику Саше, убежавшему на чердак от надоевшего учебника, девушки-бойцы МПВО дают выстрелить из ракетного пистолета. Это салют Киеву, это салют сашиному отцу, освобождавшему Киев. Гордый и счастливый, возвращается мальчик домой. «...захотелось сразу написать обо всем отцу.

Саша сел за стол и увидел раскрытый задачник. Стало неловко. Отец Киев взял, а он и не может простой задачи решить...

Он потер озябшие руки, посмотрел на перо — нет ли на нем какого-нибудь волоска, подлил чернил в чернильницу и подвинул к себе тетрадь». Читатель чувствует, Саша теперь не встанет из-за стола, пока не решит задачу.

Герои рассказов И. Дика—советские дети, маленькие граждане большого справедливого мира. С гордостью принимает Гриша вместо елочного подарка фронтовые погоны отца. Мальчик Андрюша, узнав о том, что отец, может быть, поедет на новостройку, мечтает: «...проходит год, два, три, а потом... директор завода вместе с папой от всех рабочих пишут рапорт товарищу Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович, ваше задание выполнено. Завод построен» — и ставят свои подписи.

А товарищ Сталин, прочитав рапорт, тут же вырвет из своего блокнота листок и напишет на нем: «Приветствую и поздравляю вас...». И еще, может быть, он подумает: «Какой хороший инженер Семен Петрович Романенко!»

Детские мечты в книге неразрывно сплетены с тем, о чем мечтают все строители новой сталинской пятилетки.

Рассказы написаны увлекательно, простым и точным языком, с теплым юмором и большой любовью к детям. Герои их дышат чистым и свежим воздухом свободной страны, над ними ясное небо, перед ними распахнуто прекрасное будущее.

И эту светлую книгу написал человек, который лишился на войне кистей обеих рук.

Читая эту жизнеутверждающую книжку, я вспомнил опубликованный в «Огоньке» трагический рассказ американского прогрессивного писателя Альберта Мальца «Воскресенье в джунглях». Чарли—сверстник героев книги «Золотая рыбка». Он тоже мечтает, но это совсем другие мечты.

Главное в мечте — деньги! Мечта частично сбывается. Сосед поручает мальчику извлечь из-под уличной решетки оброненные туда пятьдесят центов... «...С такими деньгами он имеет дело в первый раз! Проще простого—сказать старику, что монеты он не нашел».

Мальчику приходится выдержать бой за право на монету. Бой с безработным.

«— Мне нужно хоть немного денег. Хотя бы немного!— воскликнул человек, и в голосе его были стыд и горечь. — Я ничего не нашел за целый день. Ты должен мне дать заработать хоть что-нибудь. Ты должен!

— Нет!

— Мальчик, мальчик! — закричал человек с отчаянием. — Будь ты на десять лет старше, ты бы понял...

Губы Чарли плотно сжались. Его побелевшее от мороза лицо дышало злобой:

— Будь я на десять лет старше, я бы разбил тебе голову, — сказал он.

Человек с трудом нагнулся и поднял свой шест. Слегка прихрамывая, прижав руку к пояснице, он пошел прочь. Он плакал.

Чарли застыл в позе победителя. Его лицо казалось каменным».

Страшный мир и страшное детство!

Книга Иосифа Дика — книга о советских детях. И поэтому это — книга о счастье!

Иосиф Дик. «Золотая рыбка». Детгиз. 1947 г. 86 стр.

Передовая культура человечества

Иван Франко и русская литература

Илья СТЕБУН

Львовское областное издательство «Вільна Україна» выпустило из печати сборник «Иван Франко о русской литературе». Сборник этот — первая попытка собрать в одной книге основные статьи и высказывания великого украинского писателя по вопросам русско-украинских литературных взаимоотношений и русской литературы. Большинство материалов до последнего времени было неизвестно или мало известно широкому читателю. Украинские буржуазные националисты упорно замалчивали эту часть литературного наследства Ивана Франко, прятали ее от читателей, пытались предать ее забвению.

Иван Франко — крупнейший после Шевченко представитель украинской классической литературы, ее революционно-демократического крыла. Он, как и его великие предшественники и современники, — Шевченко, Мирный, Коцюбинский, Леся Украинка, — являясь подлинно национальным художником, был в то же время страстным поборником тесного единения с передовой русской культурой. Он глубоко сознавал всемирно-историческое значение этой культуры и в своих творческих исканиях ориентировался прежде всего на ее лучшие освободительные и реалистические традиции. Чуждые национальной ограниченности, великие украинские писатели — в их числе и Франко — боролись против буржуазно-националистического лагеря, разоблачали его реакционные стремления поставить стену между украинской и русской культурами, задержать прогрессивное развитие украинской литературы, превратить ее в жалкое подражание литературе буржуазного Запада.

Общественная и литературная деятельность Ивана Франко протекала, как известно, в Западной Украине, находившейся под властью Австро-Венгерской монархии. Оторванный от центров украинской и русской культурной жизни, в условиях постоянных полицейских репрессий и преследований, неслыханной травли со стороны официальных властей и украинской буржуазно-националистической реакции, Иван Франко мужественно шел по избранному им пути революционного обличения буржуазной реакции и борьбы за освободительные идеалы народа. На этом пути живительным источником для него была, прежде всего, передовая общественно-освободительная мысль и литература России.

В сборнике помещены критические статьи Ивана Франко по общим вопросам русско-украинских литературных связей («Формальный и реальный национализм», «Украина — в русской литературе», «Темное царство», «М. Старицкий и русская литература» и др.), статьи о русской литературе и ее значении («Русская литература и русская монархия», «Идеалы свободы и гуманности в русской литературе», «Новая история русской литературы» и др.), статьи и высказывания об отдельных русских писателях—Пушкине, Герцене, Салтыкове-Щедрине, Писареве, Тургеневе, Глебе Успенском, Толстом, Степняке-Кравчинском, Горьком и др.

Большинство публикуемых в сборнике статей и высказываний Ивана Франко были написаны писателем в разные периоды и по разным поводам, преимущественно в процессе острой полемики и борьбы с реакционным лагерем. Отдельные статьи грешат подчас недостаточно полным освещением вопроса; часто Иван Франко писал их, не имея под рукой самых необходимых справочников и нужной литературы. Некоторые статьи не лишены ошибочных положений. Однако все они проникнуты боевым духом, горячим стремлением раскрыть действительное величие русской культуры, плодотворность и прогрессивность ее влияния на все стороны духовной жизни Украины, на ее общественную мысль и литературу.

«Франко о русской литературе». Статьи и высказывания. Собрал и составил М. Н. Пархоменко (на укр. языке). Издательство «Вільна Україна». Львов. 1947 г. 278 стр. Цена 15 руб.

«Народ московский,—писал И. Франко в одной из статей 1889 г., — создал такую духовную, литературную и научную жизнь, которая тысячными потоками влияет и на Украину и на нас» (стр. 47).

В ответ на попытки галицийской националистической прессы принизить значение русской культуры, превознести западноевропейское влияние, Иван Франко встал на защиту русской культуры, подчеркивая, что не Ауэрбах и Шпильгаген, а Тургенев, Толстой, Щедрин, Успенский, Некрасов и другие «возбуждали нашу совесть, будили в нас человека, будили любовь к бедным и униженным».

Разоблачая клеветнические выдумки реакционной печати об «отсталости» русской культуры, Иван Франко неустанно пропагандировал ее, как передовую культуру человечества, преисполненную идеями «свободолюбия..., любовью к правде и протестом против всякого гнета и притеснений».

Иван Франко в своих статьях неоднократно подчеркивал, что именно русская литература, особенно ее революционно-демократическая часть, была светочем освободительной мысли и гуманизма всеевропейского масштаба.

Высоким благородством своих освободительных демократических идей, развитием своих лучших реалистических традиций украинская литература, по мнению И. Франко, обязана в первую очередь плодотворному влиянию передовой русской литературы. Иван Франко останавливается, в частности, на ярких примерах такого влияния в характеристике творческого становления Шевченко, Старицкого, признает это влияние и на собственном творчестве.

Попыткам буржуазно-националистической прессы отождествить русскую литературу с российской монархией Иван Франко давал резкий отпор, разоблачая демагогический и клеветнический характер таких утверждений, направленных на дискредитацию и принижение роли русской литературы.

Русская монархия, подчеркивал Иван Франко, «ее жандармы и чиновники и их преследование всякой свободы мысли— одно дело, а литература русская с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Писаревыми, Аксаковыми, Решетниковыми, Некрасовыми — совсем другое дело». Касаясь антирусских выступлений украинских националистов, Иван Франко вскрывает их действительную сущность, показывая, что эти выступления направлены по сути дела не против русского самодержавия, а против русской передовой демократической культуры.

В ответ на злобное шипение врагов Иван Франко открыто заявлял: «Мы все руссофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всякого добра... И русских писателей, великих светочей в духовном мире, мы знаем и любим... Мы чувствуем себя солидарными с лучшими сынами русского народа. И это мощная и светлая основа нашего руссофильства».

Это заявление Ивана Франко особенно знаменательно потому, что сделано оно было в статье, написанной в дни революционных событий в России в 1905 году, когда руссофильство в Галиции рассматривалось как откровенная солидарность с русскими революционерами.

Но Франко и не скрывал этой своей солидарности. Когда в том же 1905 году царское правительство бросило в Петропавловскую крепость Максима Горького, Иван Франко выступил на страницах редактируемого им органа, газеты «Новий громадський голос», со статьей «Максим Горький». В этой статье с присущей Ивану Франко страстностью он встал на защиту великого пролетарского писателя, «одного из светочей русского народа и красы русской литературы». Франко видел в Горьком «славного на весь мир» революционного писателя, смело провозгласившего «горячий призыв к борьбе с нынешними гнилыми порядками в России».

В другой статье, написанной в том же году, «Новая история русской литературы» Иван Франко подчеркивает, что именно высокий полет русского духа, демократический характер русской литературы, ее революционное величие сделали ее «литературой мирового значения», что эта литература, как никакая другая, «оказалась созревшей для великих задач — революционного обновления страны».

«Сегодня, — писал Иван Франко, — в свете революционных событий в России,— значение ее (русской литературы) простирается далеко за границы России... Мир не может обойтись без нее» (стр. 105).

Приветствуя первую русскую революцию, И. Франко видел в ней также и начало новой эпохи русской литературы.

«Пишем эти слова,—заканчивает свою статью И. Франко, — когда весть об окончательном падении автократизма, тягчайшего врага также и русской литературы, радостным дыханием волнует сердца всего цивилизованного человечества. И мы уверены, что это дыхание новой свободы будет началом новой, еще более светлой эры русской литературы» (стр. 195).

К сожалению, писатель не дожил до Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало этой новой эры. Он умер в 1916 году.

* * *

Иван Франко, как и все передовые украинские писатели, глубоко сознавал неразрывность и органическое единство исторических судеб братских украинского и русского народов.

Он был не только высоким ценителем русской культуры, но и активным пропагандистом ее. На страницах редактируемых им органов он печатал переводы лучших произведений русской литературы и критики. Ивану Франко обязан украинский читатель (особенно на Западной Украине) своим первым знакомством на родном языке с произведениями Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и многих других выдающихся русских классиков и революционно-демократических критиков. С другой стороны, Иван Франко активно выступал на страницах русской печати как со своими художественными произведениями, так и с широкой информацией об украинской литературе. В частности, обстоятельная статья об украинской литературе в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона принадлежит его перу. Общественно-прогрессивная роль этой стороны деятельности писателя, направленной на сближение и упрочение русско-украинской культурной и политической связи, неоценима.

* * *

Издательство «Вільна Україна», выпустившее в свет сборник «И. Франко о русской литературе», сделало нужное и полезное дело.

Значение этой книги трудно переоценить. В ней собран яркий и поучительный материал — свидетельство кровного единства и братского содружества культур украинского и русского народов.

Внимание рассказу

В секции прозы Союза советских писателей СССР

26 февраля в Центральном доме литератора секция прозы ССП провела обсуждение рассказа 1947 года.

С докладом выступил Н. Атаров. Он сказал, что дискуссия должна поставить перед литературной общественностью серьезный вопрос о судьбе рассказа, что этот жанр пользуется недостаточным вниманием со стороны «толстых» журналов, и редакции недостаточно работают с писателями, авторами рассказов. За истекший год в сорока восьми книгах четырех журналов было напечатано менее тридцати рассказов. Между тем, как в дни войны, так и сегодня, рассказ — жанр оперативный и ударный — должен был бы осуществлять разведку новой темы.

Среди 80 рассказов, опубликованных в прошлом году в журнале «Огонек» и в «толстых» журналах, около 20 рассказов посвящено теме возвращения фронтовика.

Эта тема талантливо разрешена в рассказе В. Лукашевича «Прошлым летом». Великая освободительная цель Отечественной войны закалила советского человека, сделала его еще более мудрым и чутким.

Но есть рассказы, где эта тема решается упрощенно, где внутренний мир человека снижен, а изображение жизни натянуто и равнодушно. Докладчик считает такими рассказами «Басовы» Г. Федорова, «Сын» В. Саянова и др.

Тема труда с большой поэтической силой разрешена в недавно вышедшей книге В. Фоменко «Обыкновенные люди». Молодой писатель сумел показать жизнеутверждающую силу труда, он взволнованно рассказал о том, какие люди сегодня творят социализм. Хороши рассказы о колхозной жизни Б. Дороша «Новый секретарь», «На свадьбе», П. Павленко «Идут дожди».

Тема сочетания личных и общественных интересов составляет основу огромного большинства рассматриваемых рассказов. Наиболее зоркие писатели решают ее не в аскетических и жертвенных тонах, а, наоборот, они показывают расширение личности, обогащение ее новыми социалистическими чертами. Здесь на первом месте стоит прекрасный рассказ Н. Емельяновой «Четыре весны». Поэтичны и правдивы также рассказы Сергея Антонова «Весна» и В. Федоровича «Неопалимая».

Значительная часть доклада была посвящена ряду практических предложений, среди которых особого внимания заслуживает издание антологии советского рассказа за 30 лет и систематических ежегодников лучших рассказов.

В прениях выступили редактор журнала «Огонек» А. Сурков, писатели и критики: Н. Емельянова, З. Кедрина, А. Чаковский. А. Сурков говорил о неблагоприятной для рассказа литературно-общественной атмосфере, в частности, указывал на отсутствие обобщающих статей о рассказе и в «Литературной газете» и в критических отделах журналов.

Н. Емельянова привела примеры невнимательного отношения к жанру рассказа в журналах «Знамя» и «Новый мир».

З. Кедрина отметила, что некоторым нашим рассказчикам мешает следование чужим образцам, в частности, подражание Хемингуэю.

Перенимая чужие приемы, автор невольно перенимает и чужие идеи о неподвижности и бесперспективности человеческой жизни. Как это все чуждо советским людям, с их социальным оптимизмом, с их глубокой верой в человека!

Следует сказать, что секция прозы ССП очень своевременно выдвинула вопрос о рассказе. Прения еще не закончились, дискуссия будет продолжена. И очень было бы хорошо, если бы в этих прениях больше уделялось места путям развития этого жанра.

И. ГРИНБЕРГ

Поэт и его ровесники

«Книга ровесников» для Евгения Долматовского больше, чем очередной сборник стихов. Написав к тридцатилетней годовщине Октября цикл, посвященный сверстникам социалистической революции — нашим согражданам, родившимся в 1917 году, поэт об'единил этот цикл со стихотворениями военного времени, разбил на отделы: «Испытания ровесников», «Любовь ровесников», «Путешествия ровесников». Поэтические биографии стали центром книги, рядом с ними по-новому зазвучали уже известные нам стихи и песни прежних лет.

Дипломат и сталевар, секретарь райкома партии и фотокорреспондент, скрипач и каменщик, кадровый военный, ныне советский комендант в немецком городе и колхозная звеньевая — вот герои книги, герои нашего времени. Это они в трудные месяцы Сталинградской битвы думали о том, «как будет нам житься потом, когда мы добьемся победы». Это они, шагая по городам освобожденной ими Европы, с любовью мечтали о прекрасной нашей Родине, о Москве, что «стоит, как прежде, в своем величии и красоте». Это они поют песни о «любимом городе», о широком и могучем Днепре, о «стрелковом храбром взводе» и о Саше Матросове.

В цикле «Ровесники» Долматовский нарисовал образы тех, чьи чувства он стремился выразить в своих прежних лирических стихах, тех, для кого писал свои песни. И это расширение поэтического кругозора оказалось одновременно проверкой всего созданного им ранее.

В самом деле, слушая рассказ поэта о ровесниках Октября, мы с особенной ясностью чувствуем наивность и незрелость значительной части стихов Е. Долматовского довоенной поры. Молодой поэт был тогда неизменно весел, но это постоянное «хорошее настроение» казалось, в лучшем случае, юношеским легкомыслием.

Лирический герой Евгения Долматовского казался бедным и незначительным рядом с реальными героями нашей действительности. Поэт отставал от своих ровесников, от своего времени.

Он догнал их в годы Отечественной войны.

«Раненые», «Высота», «О том, о далеком», «Киев», «Ты будешь жить в стране богатой», «Станция метро «Сталинград» в Париже», «Ростов-на-Дону», «Уходим» — все эти стихи могли появиться только в сборниках, выпущенных после 1941 года. Не только потому, что в них идет речь о войне и победе, но и потому, что в них есть глубина чувства и зрелость мысли, ранее поэту не свойственные.

Стихотворение «Высота», написанное о штурме высотки в районе Сталинграда, с годами не только не поблекло, не устарело, а, наоборот, после победы приобрело еще большую силу и свежесть.

...Как утренний воздух пьянит,
Как славно живется на свете!
Так вот какова высота!
Ты раньше и ведать не ведал,
Какая вокруг красота,
Коль смотришь глазами победы.

В лучших стихах Е. Долматовского проявилась новая и ценная черта — способность к обобщению, умение сопоставлять явления, по видимости отдаленные, но в действительности глубоко связанные. Говоря о станции метро «Сталинград» в Париже, поэт раскрывает прямую и непосредственную связь между героической борьбой воинов Сталинграда и будущим французского народа. Здесь получает лирическое выражение большая и важная политическая тема.

Поэтические портреты и биографии, составляющие первый раздел «Книги ровесников», написаны Е. Долматовским с разной степенью мастерства и глубины. Здесь и настоящие, серьезные удачи — «Мистер Зуев», «Мать города», «Дело о поджоге рейхстага», «Октябрьское письмо», «Десять лет назад», «Улица Иванова». Здесь и стихи, интересные по мысли, но не до конца выверенные и отточенные: «Сталевар», «Посевная ночь», «Звеньевая», «Нина Львовна», «Губернатор». Здесь и беглые зарисовки—«Наш собственный корреспондент», «В дороге», «Никанорыч».

Поэта постигает неудача, когда он торопливо называет обстоятельства места и времени, не закрепляя их в полноценном образе.

Он был на Хасане в пехоте,
Под Выборгом у моряков,
Снимал трактора Сталинграда,
Ташкент, Беломорский канал,
И площадь во время парада
Он с башни кремлевской снимал.
(«Наш собственный корреспондент»)

В казаки он играл когда-то,
Лет семнадцати стал солдатом,
Был на срочной и на сверхсрочной,
Худощавый, прямой и точный.
Обучался в пехотной школе
Душным летом на Халхин-Голе
(«Губернатор»)

Нет, это не поэтическое обобщение, не характер. Поверхностный репортаж, не имеющий никакой ценности, — вот что такое эти и подобные им строки Долматовского. В этой скороговорке нет ни глубины содержания, ни поэтической красоты.

Поэт достигает удачи, когда в рассказе об одной человеческой судьбе передает движение эпохи, когда наглядность, пластичность поэтического рисунка приобретают широту обобщения. Эти свойства отличают и рассказ о «Мистере Зуеве», ведущем «в стране чужой» упорную борьбу с дипломатами империализма, и «Дело о поджоге рейхстага» — одно из лучших стихотворений Долматовского:

Ты помнишь это дело — о поджоге
Рейхстага?
Давний тридцать третий год.
. . . .
...В тот год я, кажется, окончил школу.
Вихрастые посланцы комсомола,
Метро мы зачинали под Москвой.
Мы никогда не видели рейхстага.
Нас восхищала львиная отвага
Болгарина с могучей головой.
Прошло немало лет.
А в сорок пятом
Тем самым, только выросшим ребятам
Пришлось в далеких побывать местах,
Пришлось пройти берлинским
зоосадом...
Ударим зажигательным снарядом!
Горит рейхстаг! Смотря, горит
рейхстаг!
Прекрасный день — тридцатое апреля:
Тяжелый дым валит из-за колонн,
Теперь не выдумка — на самом деле
Рейхстаг большевиками подожжен!

В этих стихах поэтически раскрыто величие подвига ровесников, разгромивших фашистское логово, и—главное—неукротимое движение истории, несущее гибель капитализму. Хочется думать, что после «Дела о поджоге рейхстага», после стихотворения «Улица Иванова», после этих подлинно поэтических строк не появятся в стихах Долматовского «фарфоровые слоники на полке» — умиленная чувствительность, не имеющая ничего общего с истинным чувством.

Поэт лучше знает теперь настоящую цену человеческим переживаниям и поступкам, он способен крепче любить и сильнее ненавидеть. Вот почему в книгу так естественно входит цикл «Любовь ровесников». Любовь эта испытана войной, и все ее обаяние выражено поэтом с чистотой и прямодушием, которые так дороги и ценны в лирических стихах.

Эта прямота и ясность чувства отличают и цикл «Путешествия ровесников». Слово «путешествия» здесь не совсем уместно.

Долматовский вспоминает о встрече на Эльбе с американскими солдатами, которых сейчас поджигатели войны хотят бросить в безумную авантюру против Советского Союза, он дружески прощается с чехами, уходя с советскими войсками из спасенной ими страны. Не путешественник перед нами, а активный участник событий, один из миллионов деятельных и сознательных вершителей исторических судеб.

Строители и защитники социализма, решая новые задачи, вырастают в новых делах и свершениях. Только чувствующий и воплощающий этот рост поэт — достойный ровесник своего времени, своей страны.

Евг. Долматовский. «Книга ровесников». «Молодая гвардия», 1947, 121 стр.

Анна КАРАВАЕВА
М. КОЛОСОВ

СЛОВО И ЖИЗНЬ

В мемориальные комнаты обычно не входят, а только стоят перед открытой дверью, поперек которой протянут шнур, как бы напоминающий: когда-то в этих стенах была жизнь, а теперь это лишь предмет изучения и воспоминаний. Но все мы, встретившиеся на-днях в музее Николая Островского, не только вошли в мемориальную комнату, но и разместились в ней так же непринужденно, как, бывало, при жизни писателя сидели здесь по вечерам.

Так же мягко пламенеет свет лампы, накрытой куском алого шелка; так же расставлена знакомая мебель, а на столике возле кровати, как когда-то в рабочие часы, стоит пишущая машинка, на валике которой белеет начатая страница, одна из страниц романа «Рожденные бурей». Но не только эти, давно знакомые, предметы создают впечатление продолжающейся здесь жизни, а, главным образом, — наша общая дружеская беседа. Среди нас, старых друзей, находятся люди, с которыми мы познакомились только сегодня вечером. Это нисколько не мешает взаимному пониманию и единодушию. В нашем оживленном разговоре нет решительно ничего «музейного»; напротив, все дышит сегодняшним днем. И кажется, что Николай Островский лежит тут же на постели, запрокинув голову, и слушает нас со своей обаятельной улыбкой, которая так часто преображала его, на первый взгляд, безжизненное лицо, — с улыбкой, которая, к сожалению, не запечатлена ни на одном портрете писателя...

Новые наши знакомые — разметчик ленинградского завода «Красный выборжец» Дубинин, мастер московского завода «Фрезер» Пыжов, заместитель секретаря комсомольской организации «Фрезера» Кирилличев, журналист Лившиц и Алевтина Зенко, секретарь Московского райсовета Ленинграда.

В нашей беседе то и дело сплетаются воедино книга писателя и жизнь народа. Годы войны и мира встают перед нами. Как помогает нам в труде наша духовная культура — культура социалистического общества! Какой яркий свет бросает она далеко за пределы нашего государства... Кто-то вспоминает о письме, которое получила мать Николая Островского от югославских юношей и девушек. Они прорубали в горах своей родины железную дорогу и написали это письмо при свете ночного костра. И, видимо, им было очень нужно, душевно необходимо написать это письмо, как нам сегодня — сойтись в музее Островского и дружно поговорить...

Да, образ Корчагина живет в мире.

...В те трудные дни, когда сталинградцы-воины отстаивали каждый дом священного для нас города, а сталинградцы-рабочие под огнем продолжали в цехах производить оружие, лейтенант Пасхин на заводе, находившемся уже на линии боя, беседовал при свете лучины с комсомольцами о том, есть ли предел мужества.

Воскресив в памяти любимый образ героя книги «Как закалялась сталь», он доказывал, что мужество беспредельно, если человек знает, за что воюет. Он думал, что говорит только о сталинградцах, о людях фронта; он и не мог догадаться, что в это время, далеко на Урале, комсомольцы Ирбитского завода сговорились называть самых передовых своих товарищей корчагинцами. После войны они отправили в сочинский музей Николая Островского подарок — дорогую вазу — и письмо, в котором просто и сердечно поведали о том, как герой художественного произведения сошел со страниц книги и своим примером поддерживал людей и помогал им в тылу ковать победу.

Об этом письме ирбитских комсомольцев вспоминает теперь Григорий Матвеевич Дубинин. Потомственный рабочий завода «Красный выборжец», Дубинин месяц тому назад отдыхал в Сочи, уже выполнив свою пятилетнюю норму. В сочинском музее он задумался над этим письмом. Он живо представил себе дружную кучку юных ирбитских рабочих, которые с молодой горячностью ввели Павла Корчагина в свою жизнь, сделав его имя знаменем труда. Письмо растрогало Григория Матвеевича. Ему ли, фронтовику, было не знать, что многие молодые воины в частях Советской Армии и Флота называли себя корчагинцами.

Теперь, в дни послевоенной сталинской пятилетки, по-новому свежо и волнующе звучало напоминание о Павле Корчагине. Дубинин рассказывает, как он поделился своими мыслями с отдыхающими и нашел среди них живой отклик. Вот они снова собрались теперь в Москве, его сочинские товарищи: тут и 56-летний Иван Ильич Пыжов и молодая девушка-москвичка Катя Федорова. Год тому назад она по собственному желанию перешла из бухгалтерии в литейный цех завода «Шарикоподшипник» и стала мастером.

Для каждого из них книга и жизнь неразделимы. Это замечательная особенность советского человека. Дубинин из Сочи написал секретарю своей партийной организации и вложил письмо в книгу «Как закалялась сталь» с автографом Екатерины Алексеевны Островской, сестры писателя. Сейчас, когда он рассказывает нам об этом, остановившись в столице по пути в Ленинград, он уже получил ответное письмо с родного завода, — там уже называют корчагинцами молодых ребят из бригады Журавлева. Они недавно окончили ремесленное училище. На заводе всегда считали, что на гидропрессе в 1.500 тонн могут работать только старые опытные рабочие. Между тем, молодая бригада не только научилась работать на прессе, но и установила новый обычай: в каждую смену увеличивать число операций.

Старый металлист, непартийный большевик Иван Ильич Пыжов, вернувшись после отдыха на свой родной «Фрезер», тоже поделился своими соображениями с некоторыми коммунистами и комсомольцами. И на «Фрезере» появились корчагинцы — отличники производства...

Каждый из нас, участников беседы, понимает и чувствует одно — самое главное: если комсомольско-молодежная бригада присваивает себе, как высокую честь, имя героя любимой книги, это значит, что мастерство молодых стахановцев окрашено в цвета подлинной поэзии, и этот труд-творчество представляет собою одну из прекрасных черт того нового, в чем уже дышит коммунизм! Эта черта может проявиться лишь благодаря тому, что советский человек трудится, творит, действует в огромной орбите социалистического соревнования и стахановского движения, неустанно обогащаемого созидательной волей трудового народа, его любовью к Родине и его непрерывным культурно-политическим ростом.

Живя в атмосфере трудового порыва, молодой человек и девушка выбирают себе девиз и пример, их вдохновляющий, они следуют ему, как голос поющего следует мелодии и словам песни. В великом наследстве нашей духовной культуры советская молодежь находит много славных имен и светлых образов, которые служат ей примером и девизом.

«Да здравствует жизнь!» — так сказал Николай Островский, когда ему вручали орден Ленина.

Жизнь вознаградила его. Она его не уступила смерти.

И мы, писатели, гордясь героем, который продолжает свое бытие в жизни, видим в этом для себя важное напоминание: да ведь именно этого должен желать каждый писатель! Именно о таком вторжении своего героя в жизнь и мечтает каждый из нас.

Образ неугомонного, веселого, бесстрашного Павки Корчагина, образ-девиз, поэзия на службе живой действительности напоминает всем нам, писателям, критикам, поэтам: будем создавать, будем осмысливать явления советской литературы не только в пределах их узко-художественного бытия, но и в огромной сфере их служения народу.

За партийность в преподавании литературы

Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов

В совещании, созванном Министерством просвещения и Академией педагогических наук РСФСР, приняло участие свыше 700 преподавателей литературы педагогических вузов республики, а также представители университетов, военно-учебных заведений, Союза советских писателей, Министерства высшего образования СССР и других организаций. Вузы союзных республик также прислали своих делегатов.

Открывая совещание, министр просвещения РСФСР проф. А. А. Вознесенский указал на главные задачи, стоящие сейчас перед преподавателями литературы в высшей школе, и призвал участников совещания к суровой большевистской критике недостатков педагогической и научно-исследовательской работы в вузах.

С докладом «Итоги философской дискуссии и задачи литературной науки» выступил член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Еголин. Докладчик положительно оценивает появившиеся за последнее время работы советских исследователей («Ленин и проблемы русской литературы» Б. Мейлаха, «О Горьком» Б. Бялика, «Грибоедов и декабристы» М. Нечкиной). Вместе с тем, А. Еголин подробно остановился на принципиальных ошибках и недочетах в ряде литературоведческих работ.

— В нашем литературоведении, — сказал А. Еголин, — имеет место об'ективистское, аполитичное отношение к буржуазной науке, к концепциям буржуазных ученых, попытки амнистировать эти концепции. Вместо непримиримости в борьбе со своими противниками некоторые литературоведы отдают дань академическим традициям старых буржуазных школ и стремятся даже в буржуазных ученых «видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уж противника» (А. А. Жданов). Забвение партийности, невнимание к вопросам марксистско-ленинской теории — таковы источники этих идейных ошибок.

Оживленные прения вызвали доклады проф. А. Ревякина о состоянии и задачах преподавания литературы в вузе и проф. Н. Бельчикова о научно-исследовательской работе кафедр литературы. Докладчики дали конкретный анализ существенных недостатков в работе литературных кафедр и факультетов. Н. Бельчиков критиковал, в частности, «Ученые записки» ряда педагогических вузов, оторванные от актуальных задач советского литературоведения, посвященные темам отдаленного прошлого.

Выступавшие в прениях товарищи обратились с серьезными и обоснованными претензиями к Министерству просвещения.

— До сих пор у нас еще нет хороших учебников по литературе, — сказал тов. Кравцов (Тамбов). — Министерство не привлекает к работе над учебниками для вузов широкие круги специалистов и преподавателей.

Тов. Новикова (Тула) отметила, что Министерство плохо руководит научно-издательской деятельностью институтов. Так, например, подготовленный к печати сборник «Ученых записок» Тульского педагогического института 4 месяца пролежал в Министерстве просвещения, после чего был возвращен обратно с отговоркой, что никакой помощи в рецензировании сборника министерство оказать не может.

Тов. Жак (Саратов) критиковала министерство за то, что оно до сих пор не дало ни программы, ни об'яснительной записки к вступительному курсу по советской литературе. Структура этого курса никому не известна, каждый читает его по-своему, на свой риск и страх. Неправильным считает тов. Жак решение министерства, отменившего курс литературы народов СССР.

К мнению тов. Жак присоединяются тт. Былов (Сталинабад), Климович (Москва) и Пехтелев (Казань). Последний указал также на недопустимое отношение к курсу истории русской критики. Этот курс то читается факультативно, то вовсе исключается, то вводится снова.

Тов. Михельсон (Краснодар) подверг резкой критике учебник А. Цейтлина по русской литературе, которым из-за отсутствия других пособий вынуждены пользоваться студенты. С критикой журнала Академии наук СССР «Известия отделения языка и литературы» выступил тов. Фатов (Черновцы), отметивший полную оторванность журнала от актуальных вопросов нашей литературы.

После заключительного слова докладчиков началась работа секций. На секции русской литературы (руководитель проф. Н. Бродский) был заслушан доклад проф. Н. Глаголева о русской революционно-демократической критике. Выступавшие в прениях проф. Б. Мейлах, тт. Гусев (Челябинск), Назаренко (Псков) и другие присоединились к основным положениям Н. Глаголева, отметив в то же время и некоторые существенные недостатки доклада: мало внимания было уделено Белинскому и Герцену; недостаточно освещен вопрос о том, что отделяет революционеров-демократов от марксистов. Интересно прошло обсуждение доклада доц. Е. Ковальчик «Пути развития советской литературы». В обсуждении приняли участие доценты А. Мясников, Л. Поляк, В. Друзин, А. Дементьев (Ленинград), проф. С. Малахов (Смоленск) и другие товарищи, обменявшиеся своими соображениями о том, как должен строиться курс советской литературы.

Секция заслушала также доклад проф. Л. Тимофеева об изучении теории литературы в педагогических вузах. Выступивший в прениях тов. Гвоздарев (Ярославль) отметил крупные недостатки учебника Л. Тимофеева по теории литературы.

Доцент Н. Трифонов посвятил свой доклад разбору недостатков в постановке практических и семинарских занятий по литературе.

На секции западной литературы (руководитель доц. Р. Самарин) были заслушаны доклады доцентов А. Аникста и Е. Гальпериной, посвященные основным этапам развития реализма в западно-европейской литературе. Обсуждение этих, как и других докладов свидетельствовало о несомненном идейно-политическом и научном росте преподавательских кадров периферии. Особенно интересными и содержательными были выступления тт. Неупокоевой (Вильнюс), Семенова (Ярославль), Верижниковой (Орел), Чирковой (Чебоксары), Канторовича (Свердловск) и др.

В то же время следует отметить, что в некоторых выступлениях сказалось ошибочное понимание важных вопросов истории западно-европейской литературы. Полемизируя с Е. Гальпериной, Е. Домбровская заявила, что 1848 год не был переломным моментом для судеб буржуазного реализма. Еще большей путаницей отличалось выступление И. Нечаева (Калинин), который вовсе отрицал неизбежность кризиса и упадка литературы буржуазного Запада. Доц. Демешкан выступила с неожиданным славословием по адресу А. Н. Веселовского.

На секции было также проведено обсуждение учебника по всеобщей литературе М. Алексеева, В. Жирмунского, С. Мокульского и А. Смирнова (раннее средневековье и Возрождение).

После окончания секционной работы участники совещания прослушали доклады доц. А. Мясникова («Ленин и проблемы литературоведения»), проф. Б. Бялика («Основные проблемы социалистического реализма»), проф. Д. Благого («Мировое значение русской литературы»), доц. Т. Мотылевой («Мировое значение советской литературы»), проф. П. Богатырева («Основные проблемы изучения славянских литератур») и П. Скосырева («Проблемы изучения национальных литератур СССР»), а также доклад зам. министра высшего образования В. Светлова «Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

Участники совещания с большим под'емом приняли приветствие И. В. Сталину.

Больше бумаги стране

На заседании секретариата Союза советских писателей

В декабре и январе на крупнейших целлюлозно-бумажных предприятиях (комбинатах Балахнинском, Вологодском, Архангельском, Краснокамском, Кондопожском, ленинградских и других фабриках) работали бригады Союза писателей и «Литературной газеты» в составе 43 писателей и журналистов Москвы и Ленинграда.

На заседании секретариата Союза советских писателей были заслушаны сообщения руководителей бригад и редакции «Литературной газеты».

Рассказывая о своей работе и первых практических ее результатах, руководители бригад А. Безыменский, Е. Долматовский, И. Молчанов, А. Первенцев, А. Авдеенко выдвинули ряд практических мероприятий, направленных к тому, чтобы обеспечить под'ем бумажной промышленности.

В прениях по докладам руководителей бригад выступили А. Барто, А. Раскин, Ц. Солодарь, председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности т. М. Кузнецов.

Министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР т. Л. Грачев подчеркнул в своем выступлении, что все бумажники страны крепко почувствовали, что их повседневный труд находится в орбите внимания советской общественности. Огромную помощь оказывают партия и правительство целлюлозно-бумажной промышленности. Многое дано сейчас бумажникам. И они должны мобилизовать все возможности, все резервы для перевыполнения планов. На наших предприятиях люди поняли, что производство бумаги поставлено в один ряд с производством металла и угля. Сознанием этого все более и более проникаются и поставщики бумажной промышленности. Проделанная писательскими бригадами работа может быть оценена, как начало большого наступления, в результате которого должна быть решена основная задача — выполнение пятилетки в четыре года. Стахановцы бумажной промышленности надеются, что дружба писателей и бумажников будет продолжаться, и помощь, оказываемая писателями бумажной промышленности, даст еще большие результаты.

Генеральный секретарь Союза советских писателей т. А. Фадеев оценил работу бригад, как положительную. Практику командировок писателей и журналистов на предприятия бумажной промышленности следует продолжить, привлекая к участию в бригадах все более широкий круг литераторов.

Секретариат Союза советских писателей принял развернутое решение о дальнейшей работе бригад писателей на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности.

Секретариат утвердил постоянную комиссию по бумажной промышленности в составе: А. Безыменского (председатель), Е. Долматовского (зам. председателя), А. Аграновского, А. Авдеенко, Н. Атарова, В. Кожевникова, Л. Леонова, А. Литвака, А. Раскина, И. Молчанова, А. Первенцева, А. Прокофьева, Г. Фиша.

* * *

Секретариат Союза советских писателей СССР утвердил комиссию по проверке системы распространения книг в составе: Л. Лагина (председатель), С. Кирсанова (зам. председателя), И. Андроникова, Н. Асеева, А. Дунаевского, А. Котова, В. Лидина, М. Пришвина, А. Онуфриюка, М. Тараканова, В. Федоровича, Г. Хесина.

В помощь молодым писателям

КИЕВ. (Наш корр.). Украинское издательство «Советский писатель» приступило к изданию книг «В помощь начинающим писателям».

В ближайшее время впервые на украинском языке выходит книга М. Горького «О том, как я учился писать».

Готовятся к печати книги Е. Адельгейма «За партийность в литературе», Л. Первомайского «О работе поэта», И. Стебуна «О боевых традициях украинской советской литературы».

В первом полугодии 1948 года издательство выпускает большой сборник статей «Максим Горький о литературе» и сборник «Украинские классики о литературе».

Совещание белорусских литературоведов и критиков

МИНСК. (Наш корр.). В Минске состоялась конференция руководителей кафедр социально-экономических дисциплин, педагогики и литературы.

Участники конференции прослушали ряд теоретических лекций, докладов и обменялись опытом работы. Много внимания конференция уделила вопросам преподавания литературы. Совещание заслушало доклады доцента И. Гуторова о социалистическом реализме, директора Института литературы и языка Белорусской академии наук В. Борисенко — об актуальных проблемах белорусского литературоведения и задачах преподавания литературы в вузах.

Участники литературоведческой секции заслушали доклад доцента Московского государственного университета им. Ломоносова С. Василенка «Горький и Купала», в котором было конкретно продемонстрировано идейное и художественное влияние Максима Горького на творчество Янки Купалы и других белорусских писателей.

В те же дни Союз советских писателей БССР провел совещание критиков, писателей, литературоведов и участников конференции о программах и учебниках по белорусской литературе для средних школ. На совещании, так же как и на конференции, отмечалась правильность выступлений «Литературной газеты» с критикой программ и учебников по белорусской литературе. Выступавшие указывали, что рецидивы буржуазного национализма, низкопоклонства еще и сейчас встречаются в учебных, критических и научно-исследовательских работах. Так, в курсе по фольклору доцент Белорусского государственного университета Бараг приводил, как образец народной поэтики, стилистические приемы псевдонародной сказки «Человек — Солнце», раскритикованной «Литературной газетой» и осужденной постановлением ЦК КП(б)Б. В своих фольклорных записях и статьях доцент Бараг допускает грубые идеологические ошибки, собирая и популяризируя через печать примитивные, антихудожественные и подчас вредные «произведения».

В фольклорных записях Барага «паспортизируются» безграмотные, косноязычные, псевдонародные выражения. И эту безграмотность, вредную отсебятину Бараг выдает за народное искусство, дискредитируя этим народ и его поэтическое творчество.

На заседаниях секции конференции и на совещании Союза писателей указывалось также на слабое руководство аспирантами, в результате чего участились случаи искусственной фабрикации кандидатов наук, представляющих низкопробные, безграмотные и аполитичные диссертации.

Выступавшие выражали удивление, почему Академия наук и Союз советских писателей БССР не издают сборников научно-исследовательских работ, почему университет и педагогический институт не выпускают Ученых записок. Это тормозит развитие марксистской науки и воспитание научных кадров республики.

При обсуждении проекта программ по белорусской литературе для средних школ выявилось, что и последняя редакция программ не отвечает требованиям советской школы. Особенно плохо составлена программа для 5, 6, 7-х классов. В ней нет лучших образцов белорусской литературы, нет раздела о литературе Западной Белоруссии, не представлена литература народов СССР, отсутствует индустриальная тематика. Методологический и методический уровень программ крайне узок.

Совещание решило создать комиссию из литературоведов, критиков и писателей в помощь авторам программ и учебников по белорусской литературе, а также открыть дискуссии на страницах «Літаратуры и мастацтва» по спорным проблемам белорусского литературоведения.

25 ЛЕТ ЖУРНАЛА «МНАТОБИ»

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Литературная общественность Тбилиси отмечает в этом году 25-летие старейшего литературно-художественного журнала «Мнатоби».

В журнале печатаются художественные произведения писателей Грузии, статьи по вопросам советского строительства, науки, философии, искусства, очерки о социалистическом строительстве.

В этом году «Мнатоби» опубликует два новых романа — Д. Шенгелая и лауреата Сталинской премии Л. Киачели. Роман Л. Киачели «Отец героя» посвящен эпопее обороны Кавказа в Великой Отечественной войне.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

ГОЛОС ДРУГА

Алексей Максимович Горький, горячо мечтавший в дореволюционные годы о приходе нового читателя, с необычайной сердечностью и признательностью говорил об этом читателе-друге на с'езде советских писателей: «...Читатель-друг, которого так страстно ждали честные литераторы России XIX века и который явился, любовно окружает нас и учит работать!» Ощущение этой взыскательной и строгой любви ни на секунду не покидает советского писателя — в тихом кабинете за рабочим столом, в дальней дороге или на трибуне во время творческих вечеров и встреч.

Советский писатель всегда и повсюду различает волнующий гул своей невидимой гигантской аудитории. Наш читатель давно уже перестал быть простым потребителем литературы, он внимательно и пристрастно склоняется над книгой, ища в ней надежного советчика и единомышленника, сверяя каждую строку с самой жизнью, радуясь настоящей удаче художника, не прощая ни малейшей фальши или неправды.

Мне довелось познакомиться с письмами читателей, приходящими ежедневно из всех концов Советского Союза в редакцию «Литературной газеты». Письма эти очень разнообразны и касаются всех вопросов жизни. Здесь мне хочется сказать о письмах, непосредственно относящихся к литературе. Достаточно только назвать какую-то сотую или тысячную часть авторов писем, узнать их профессии, перечислить края, где они живут, и темы, какие их волнуют, чтобы представить себе, как многообразен и широк ежедневный живой поток читательских откликов.

Пишет из армии старший лейтенант Тюльников, пишет из Риги врач Упарт. Вот на листке ученической тетрадки с отлинеенными полями — старательно написанное письмецо краснодарской школьницы Давыдовой, прочитавшей «Кружилиху». О литературных дискуссиях на страницах «Литературной газеты» пишут: работник владимирской библиотеки Мельтцер, московский шофер Афонин, научный сотрудник Энергетического института Лейтин. Здесь записи Героя Советского Союза Пустынцева, здесь письмо пенсионера, инвалида Отечественной войны Тимофея Кирилловича Некрасова, а вот послание целой группы ленинградских студентов, влюбленных в стихи Владимира Маяковского. Много дней добиралось в Москву из Владивостока письмо лаборанта Дальневосточной базы Академии наук СССР Коноплева, откликнувшегося на недавние статьи о Достоевском. Из Тбилиси пишет читатель Шаршов, из Норильска — А. Дунаев. Новым стихам и песням Долматовского посвящает свое письмо сельский учитель из Татарии Афанасьев. Вдумчиво и обстоятельно анализирует образ героя «Кружилихи» Листопада инженер-экономист Станкостроительного института им. Орджоникидзе Петроченко.

Что побудило этих людей писать письма в «Литературную газету» в свободные от работы часы, после ночного дежурства на занесенной снегами полярной радиостанции или в литейном цехе, освещенном зарницами плавок, — что заставило этих людей взяться за перо? Кровная заинтересованность в своей родной литературе и твердая вера в правду и могущество писательского слова. Быть может, в этих письмах встретится вам не очень точно выраженная мысль, иногда наивное или ошибочное суждение, но можно поручиться, что вы не найдете здесь ни одного слова равнодушного, пустого, брошенного на ветер. Это говорит читатель — великий друг и судья, ученик и учитель, это говорит читатель-металлург или каменщик, скромный рядовой летчик или прославленный Герой Советского Союза, чья жизнь сама стала повестью о настоящем человеке. Справедливо писал в своих записках Константин Симонов, что пришло время видеть «не только то, как писатель влияет на читателя, но и как читатель, за эти тридцать лет сформировавший новые требования к литературе, как он фактом этих требований, фактом своего отношения к литературе в свою очередь активно влияет на нашу литературу».

Десятки читателей откликаются на обсуждение «Кружилихи» — нового романа Веры Пановой. Здесь есть отзывы положительные и отрицательные, совпадающие и не совпадающие с критическими статьями о романе, но не в этом суть, — для читателя это больше, чем дискуссия, и больше, чем литературный спор, это разговор о жизни и людях, о своей сегодняшней работе и мечте. Взволнованно и трогательно пишет об этом ленинградская читательница М. Пожидаева: «Спор возник в педагогической среде. Оставить его неразрешенным нельзя. Я считаю, что Лидочка из романа Пановой является резко отрицательным типом. Два педагога выражают противоположное мнение. Для меня этот спор является не просто литературным диспутом. Вопрос этот меня волнует. Воспитывая двух детей, я всегда стараюсь привить им внутренние качества, абсолютно противоположные «лидочкиным», и во всяком случае не хочу, чтобы моя дочь была похожа на Лидочку». Какая священная ответственность ложится на плечи писателя, знающего, что его книга будет помогать матери воспитывать своих детей — будущих граждан коммунистического общества! Инженер Лейтин, подробно разбирая образ директора Листопада, размышляет о том, каким должен быть настоящий большевик-руководитель послевоенного завода, и снова спор приобретает самый насущный интерес и перехлестывает за страницы книги. «Жизнь не прощает руководителям неумения исправлять свои ошибки и неспособности учитывать новые условия, — пишет Лейтин, — не могут простить Листопаду этих недостатков и читатели «Кружилихи». Для каждого читателя, знакомого с производством, не подлежит сомнению, что если такой Листопад **за пределами романа** Пановой не откажется от «самоличного» метода управления, то при дальнейшем росте завода успешность его руководства кончится так же быстро, как на страницах романа кончились успехи начальника цеха Грушевого, не сумевшего работать в послевоенных условиях». Как характерна эта фраза: «за пределами романа», — для читателя роман не кончается с его последней страницей, герои повествования продолжают жить и трудиться за пределами романа, где-то совсем рядом с читателем. Вот почему инженер Лейтин говорит о Листопаде так заинтересованно, как о живом человеке, с которым, быть может, завтра ему придется работать на одном заводе.

Широк круг читательских интересов и произведений, на которые откликается народ. Тов. Иващенко из города Дзауджикау пробует рассудить поэта Антокольского и критика Александрова в их споре о новой поэме Семена Кирсанова, ленинградец Бризгайло пишет о творчестве Бориса Полевого, агроном Хромов разбирает рассказ Нагибина, напечатанный в «Огоньке», а колхозник Швейкин из села Красный Яр спрашивает, что сейчас пишут те или иные поэты и над чем работает А. Фадеев. «По этим вопросам у нас здесь на селе возникла целая полемика», — сообщает он.

Нашему читателю до всего есть дело, он не пропустит плохую строку в новой песне, услышанной по радио, заметит неточность в описании котельного цеха. И если он не поверит писателю в какой-то детали, он настороженно отнесется и ко всей книге. Начальник формовочного отдела верх-нейвинского завода Сычев, найдя в очерках уральского писателя Б. Рябинина, опубликованных в альманахе свердловского отделения Союза писателей, целый ряд несуразностей и неточностей, технических ошибок и перевранных фактов, кончает свое письмо строгим и горестным упреком: «Своей технической безграмотностью автор не только насмешил читателей, но и дискредитировал почетное звание советского писателя». Донбассовец Малиненко, детально разбирая неудачное стихотворение, на которое композитором Соловьевым-Седым написана талантливая музыка, в заключение замечает: «Обидно, когда за хорошим напевом скрывается плохой стих».

О роли высокой идеи, большой и смелой мысли в художественном произведении говорит в своем письме донецкий читатель Щепенко: «Мысль — ведь это и есть душа произведения, внутренний мир его. Мысль новая, дерзающая, разрушающая старое и созидающая новое открывает произведению дверь в сердце читателя и дверь в вечность. Мысль свежая, всегда зовущая вперед, двигающая колесо самой жизни, создала успех повести В. Овечкина «С фронтовым приветом», принесла славу «Спутникам» В. Пановой, возвысила записки А. Федорова «Подпольный обком действует».

Наш читатель хочет активно влиять на творческий процесс, заинтересовать писателя новыми темами, назвать новых людей, о которых еще не созданы книги. Здесь стоит привести довольно обширную цитату из письма инженера Министерства лесной промышленности В. Досталь, живущего в Петрозаводске. Досталь говорит о том, что в советской литературе нет книг о нашей лесной промышленности, и от страниц его живого письма так и веет свежей смолой и хвоей, горьким дымом таежных костров. Рассказывая о своей замечательной профессии, инженер сам увлекается и находит для этого красочные и хорошие слова: «Как бы всем нам хотелось побывать вместе с нашими писателями в тайге на лесосеке. Разве не привлекательна картина, когда в сильный мороз на лесной делянке рабочие работают, разгорячившись, только в телогрейках. Не нужно будет много воображения, чтобы представить себе штабеля тонких деревьев крепежным лесом, установленным в шахтах, превратить в бумагу еловый баланс, аккуратно уложенный темно-серыми рядами, а мощные десятиметровые бревна — в суда, баржи, пенящие водные просторы нашей Родины. Вы бы и не заметили, как быстро наступают сумерки, и увидели языки пламени костров, а высоко над зубчатой стеной старого таежного леса поднимающиеся в высь столбы темного посредине и серебристого по краям дыма. Все это и составляет поэзию севера, поэзию борьбы за лес, которая, будем надеяться, вдохновит вас на создание художественных произведений о советской лесной промышленности. Слово за вами, товарищи писатели!» Нам думается, что писатели откликнутся на приглашение советских лесозаготовителей, сделанное к тому же в такой поэтической форме.

Так говорит советский читатель со своим художником и певцом, так он диктует ему свои требования и пожелания, учит его великой правде жизни, и писатель, даже оставаясь в кабинете, слышит в тишине голос своего читателя — голос правдивого и сурового, требовательного и любящего друга.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 4-28 63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01124